

АНАСТАСИЯ
ЛОГИНОВА

ГУВЕРНАНТКА
С СЕКРЕТОМ

16+

Анастасия Логинова
Гувернантка с секретом
Серия «Детективъ
минувших лет», книга 2
Серия «Лидия Тальянова.
Записки барышни», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40199676
SelfPub; 2022*

Аннотация

От судьбы не уйдешь. У Лидии теперь пятеро подопечных, самая милая из которых это трехлетняя крошка, еще не поступившая в ее распоряжение. Зато прочие отпрыски семейства Полесовых скучать не дадут: неугомонные восьмилетние близнецы проказничают без устали, тринадцатилетний брат совсем не без оснований прозван "Митрофанушкой", а старшая их сестра влюбилась в совершенно неподходящего субъекта! Который, как на грех, все чаще и чаще заглядывает в гости. Хотя и это можно пережить – если б тайны семейства Полесовых не были бы такими страшными. Впрочем, и Лидия гувернантка не простая, а с секретом. Художник: Елизавета Метлинова.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	25
Глава четвертая	34
Глава пятая	47
Глава шестая	54
Глава седьмая	64
Глава восьмая	72
Глава девятая	78
Глава десятая	87
Глава одиннадцатая	98
Глава двенадцатая	104
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Анастасия Логинова

Гувернантка с секретом

1885 год,

Российская империя, Москва

«Вчера, 19 марта, российская армия под руководством начальника Закаспийской области генерала Комарова нанесла на рѣкѣ Кушкѣ сокрушительный ударъ по афганскимъ войскамъ, отгѣснивъ ихъ за мостъ Пуль-и-Кхишти. Уронъ афганцѣвъ составилъ около 600 человекъ, потери русскихъ 40 человекъ убитыми и ранеными».

«Московскія вѣдомости», март 1885 года

Глава первая

Когда горничная постучала ко мне в то утро, я уже полчаса как была на ногах. Успела проскользнуть в купальню за водой, умылась, причесалась и наполовину затянула на себе корсет – но потом мой взгляд упал на заметку в свежих «Ведомостях», что я прихватила по пути из купальни, и с тех пор я так и стояла, нервно постукивая свернутой газетой по спинке кресла. Заметка не то чтобы взбудоражила меня – нет, чего-то подобного ожидала уже давно, но все же надеялась, что это случится не так скоро.

– Георгий Палыч на службу давно уехали? – спросила я, пока Аннушка, горничная, помогала мне подколоть волосы.

– Они дома сегодня – хворать с утра изволят, – Аннушка бросила взгляд в зеркало и, наверное, отметив, как утомленно закатила я глаза при этих словах, улыбнулась с пониманием: – Они отзавтракали уже, не волнуйтесь.

– А дети?

– Все пятеро на месте – в полном составе.

Когда речь заходила о детях, Аннушка, как, впрочем, и большинство слуг, всегда радовалась, что проводит с ними далеко не все свое время – в отличие от меня.

Комментировать Аннушкины улыбки я не стала, хотя обычно одергивала прислугу в таких случаях, а молча под-

нялась и направилась в столовую. Уже перед самыми дверями ее я остановилась, плотно закрыла глаза и мысленно попросила: «Господи, дай мне сил пережить еще один день и не сорваться».

Потом натянула на лицо любезную улыбку и распахнула двери.

О да, дети наличествовали в полном составе: трехлетнюю Лёлечку няня пыталась накормить пюре, младшие отпрыски – Конни и Никки, близнецы восьми лет, – носились вокруг стола, еще до завтрака успев перепачкаться вареньем. У старших хватило совести при моем появлении подняться, а Мари, девица шестнадцати лет и моя воспитанница, даже изобразила реверанс и поздоровалась:

– Bonjour¹, мадемуазель Тальянова.

На ее хитрющей мордашке было при этом такое выражение, будто она задумала какую-то очередную пакость в отношении меня. Хотя у нее всегда было такое выражение, даже когда пакости не следовало. Видимо, делала она это для того, чтобы я не расслаблялась и всегда была начеку.

– Bonjour, мадемуазель Полесова, – в тон ей ответила я, одновременно хватая близнецов за руки и рассаживая за стол по обе стороны от себя. После чего продолжила разговор с воспитанницей: – Напомните мне, Мари, я уже говорила, что утром не следует надевать столь декольтированное платье и жемчуг?

¹ Добрый день (*фр.*).

– Нет, мадемуазель Тальянова, вы ни разу мне этого не говорили, иначе бы я обязательно запомнила.

Девушка глядела на меня честными и самыми невинными глазами, хотя подобный диалог случался раз пять или шесть в неделю в различных вариациях.

– Тогда я вас настоятельно прошу, мадемуазель Полесова, одеваться чуть более скромно. Хотя бы к завтраку, – невозможно и с той же улыбкой ответила я, присаживаясь, наконец, за стол.

– О, конечно, мадемуазель Тальянова, я сделаю все от меня зависящее, чтобы стать настоящей леди, как вы, – отозвалась маленькая паразитка.

– Я на это надеюсь...

Пришлось замолчать на полуслове, потому что в этот момент четвертый отпрыск Полесовых – Митрофанушка – с помощью рогатки выстрелил в своего брата ватрушкой с крем-брюле. Ватрушка попала тому точно в лоб, от чего Никки немедленно завыл – не от боли, а потому что это предполагал сценарий. Крем же брюле смачной россыпью брызг усеяло рукав моего платья, щеку и волосы.

О, Митрофанушка... мой личный ад и мое наказание за прошлые грехи. Вообще-то, этого отпрыска Полесовых звали Сережей, в честь дедушки – отца хозяйки дома и военного офицера, который был в этой семье буквально легендой, – но я, глядя на этого отрока, который до моего появления в доме едва умел читать и писать, несмотря на свои полные

двенадцать лет, каждый раз вспоминала бессмертное творение Фонвизина.

«Раз, два, три...» – мысленно отсчитала я. Потом улыбнулась и протянула к Митрофанушке руку ладонью вверх:

– Месье Полесов, будьте добры, отдайте мне ваше приспособление.

Тот жалко оглянулся на сестру, но не дождался от нее поддержки на этот раз: насупился и отдал рогатку мне.

– А теперь встаньте и покиньте помещение столовой – вы наказаны.

Брови его поползли вверх, и мальчишка снова оглянулся на сестру, требуя защиты. Младшие Полесовы обычно друг за друга стояли горой, что при других обстоятельствах непременно вызвало бы у меня скупую слезу.

– Репрессии – это плохой метод воспитания детей, – заметила вполголоса шестнадцатилетняя паразитка. – В Японии, например, детям вообще позволено все, что им в голову взбредет.

– Увы, мы не в Японии, та *chère*², а в суровых реалиях России. Посему, месье Полесов, встаньте из-за стола и идите к себе – вы меня слышали.

– Но я еще не доел... – собрался расплакаться Митрофанушка, однако, поймав мой взгляд, живо передумал это делать. Видимо, вспомнил, как в прошлый раз я за подобные сопли заставила его зубрить не пять страниц немецкой грам-

² Моя дорогая (*фр.*).

матики, как обычно, а десять.

Так что он встал и, исподлобья глядя на меня, вышел за дверь.

– Это неоправданная жестокость, – когда захлопнулась дверь, продолжила Мари. – Взрослые должны уметь управляться с детьми более лояльными методами. Я вынуждена буду рассказать о вашем решении маман.

– Благодарю вас, ma chère, вы избавите меня от необходимости идти в комнаты Елены Сергеевны.

Все время, пока между нами происходил этот животрепещущий разговор, маленький Никки выл, будто его режут, а няня, оставив Лёлочку, которая тоже начала уже всхлипывать, пыталась платком утереть его лицо от крема, чем раздражала ребенка еще больше.

– Катюша! – наконец не вытерпела я. – Ну что вы делаете?! Отведите ребенка в ванную и одежду сразу отдайте Аннушке – пятна ведь останутся.

Увы, то же самое касалось и моего платья: крем-брюле, к счастью, это не так трагично, как вишневое варенье, но если не почистить сразу, то платье будет безнадежно испорчено. Да-да, после трех месяцев работы в этом доме я могла бы написать небольшую брошюру об исследовании и способах выведения пятен. Чтобы спасти платье, я встала и, еще раз окинув оставшихся детей строгим взглядом, вышла из столовой.

Почему у этих детей такое отвратительное воспитание?

Потому что я дрянная гувернантка. Оправданий я для себя не искала, прекрасно отдавая отчет, что нахожусь в этом доме лишь потому, что так сложились обстоятельства. При первой же возможности я намеревалась покинуть эту семью. Иногда я вообще не понимала, что я, одна из лучших выпускниц Смольного и племянница графа Шувалова, здесь делаю. Будто дурной сон, который все никак не кончится...

А покинув столовую, я вдруг вспомнила, что дети – это далеко не самое ужасное, с чем я здесь столкнулась: некто подступил ко мне сзади и, обхватив за талию, притянул к себе.

– Лидочка, зайчонок мой, зачем вы носите эти отвратительные корсеты? Все доктора давно уже признали, что это вредно, – шептали мне на ухо, царапая усами щеку.

Месье Полесов-старший собственной персоной – трудно было бы его не узнать. Это первые недели две меня, наивную смолянку, подобное обхождение приводило в шок, а потом я как-то попривыкла. Это стало таким своеобразным ритуалом и нашей маленькой тайной от всего семейства и его жены в частности.

Сейчас, например, я больше изображала голосом возмущение, чем была возмущена на самом деле:

– Георгий Палыч! – вспыхнула я, не без труда размыкая кольцо его рук. И потом только продолжила более мягко: – Кто-нибудь ведь войти может.

Георгий Павлович Полесов, или просто Жоржик, как зва-

ли его друзья и родственники, был весьма импозантным мужчиной в самом расцвете лет. Хитрющее выражение лица Мари явно унаследовала от папеньки, лицо это было не лишено привлекательности, что позволяло Жоржику считать себя первым донжуаном нашей улицы. А особенной его гордостью были усы, которые он старательно подвивал, напомаживал и вообще носился с ними так, как не всякая барышня носится со своими локонами.

– Кто это вас так из моих сорванцов? – Жоржик, блаженно улыбаясь, кивнул на измазанную мою щеку.

– Ваш любимец, как всегда. Я его наказала, а Мария Георгиевна обещала пожаловаться Елене Сергеевне.

– И правильно сделали, что наказали, зайчонок мой. А об Еленочке можете не волноваться... – Полесов, кажется, принял мой тон за кокетство и, интимно понижая голос, снова попытался обнять.

– Георгий Палыч, мне нужно умыться, – вывернулась я, благо дверь находилась прямо за моей спиной.

Право, после наших разговоров мне хотелось не только умыться, но и долго тереть свое тело мочалкой. Меня все еще передергивало, стоило вспомнить, как однажды ночью, едва я поступила в этот дом, я была разбужена оттого, что с меня стаскивают одеяло самым беспардонным образом. Уж не знаю, где он раздобыл ключ от моей спальни – я всегда запиралась на ночь. Разбудив же меня, Георгий Павлович обрадовался и принялся раздеваться сам. Просьб моих он не

слышал, каждое возмущение понимал как-то очень по-своему, а требование выйти вон опять принял за кокетство и резво запрыгнул ко мне в кровать.

И думать не хочу, на что он рассчитывал, но все кончилось тем, что я схватила с прикроватной тумбочки стакан с водой и разбила его о голову своего работодателя. Как ни странно, помогло. То ли Георгий Павлович впечатлился осколком стекла, который я сжимала весьма решительно, то ли просто осознал вдруг, что не так уж он обворожителен, как надеялся. Так или иначе, Полесов сполз с кровати, подобрал свои ботинки и кальсоны и, бормоча что-то, держась за ушибленную голову, спиною выбрался за дверь.

Уже утром Жоржик вызвал меня к себе – голова его была перебинтована – и несколько обиженно сказал:

– Нехорошо вы поступили, право. Какая ж вы благовоспитанная барышня, ежели деретесь? Вы же понимаете, Лидия Гавриловна, что после... произошедшего я вас более держать в своем доме не могу.

Я подобного разговора ожидала, потому приготовилась.

– Можете, Георгий Павлович, можете, – наставительно ответила я. – Жаль, что вы усомнились в моем воспитании, но если я потеряю это место, то Елена Сергеевна в тот же день получит по почте ваши записки, которые вы имели неосторожность писать мне. Не хочется ее расстраивать.

Елена Сергеевна, супруга Полесова, – тихая, добрая и покорная женщина, родившая ему пятерых детей. Пятой была

Лёлочка, которая, слава богу, в мое распоряжение пока не поступила. Так вот, по непонятной мне причине Полесов как огня боялся, что Елена Сергеевна о его похождениях узнает.

Вот и сейчас, услышав, что я сохранила его записки и собираюсь пустить их в ход, он немедленно побледнел и замотал головой, тут же изменив решение о моем увольнении.

В результате я получила прибавку к жалованью, а на ночь принялась подпирать дверь стулом, который обязательно опрокинется, если дверь откроют снаружи. Но особенных посягательств на мою честь с тех пор больше не было, а маленькие вольности я ему прощала, предпочитая с Полесовым не ссориться.

Возвращалась в столовую я очень осторожно – глядя себе под ноги, внимательно осмотрев стул и даже подняв взгляд на потолок. Дети с самым невинным выражением лиц доедали завтрак.

Значит, просто соль в кофе либо сахар в яичнице. Я сделала маленький глоток из чашки и удовлетворенно улыбнулась – соль.

Глава вторая

Как было сказано, я жила у Полесовых в гувернантках уже три месяца. До меня детьми занималась совсем юная истеричная бывшая гимназистка (у меня имелись подозрения, что истеричною она сделалась как раз в процессе работы). А перед нею – какая-то пожилая сердобольная англичанка, потекающая детям во всем и, как следствие, неимоверно их разбаловавшая.

Впрочем, баловали этих детей все. Не помню дня, чтобы хозяйка дома, Елена Сергеевна, не упрашивала меня слезно «отпустить деточек сегодня пораньше», а раз в неделю так и вовсе заявляла, что дети «света белого не видят, круглые сутки за учебниками», потому она с чистой совестью забирала их на весь день и уводила гулять. Это при том, что субботу и воскресенье дети и так не учились.

И все же кое-чем я гордиться могла: Митрофанушка хоть и писал по-русски с позорными орфографическими ошибками, зато худо-бедно, но строил уже фразы на немецком – ведь поводов наказывать себя зубрежкой языка он давал достаточно.

С близнецами, к счастью, проблем было меньше всего. Да, они и трех минут не могли высидеть спокойно, постоянно отвлекались, спорили, норовили подраться, но зато и заин-

тересовать их уроком было куда проще, чем старших детей. Правда мне приходилось напрягать все свои таланты и устраивать театр одного актера, когда, например, я рассказывала о рыцарях-крестоносцах. Но, право, это стоило того, чтобы близнецы слушали меня с горящими глазами. Вот с точными науками сложнее: хоть на одной ноге прыгай, арифметика от этого интересней не станет. Первые месяца полтора я билась, что рыба о лед, не зная, как внушить мальчишкам всю важность арифметики. Пока не догадалась вдруг на одном из уроков истории заметить как бы невзначай, что любимые их полководцы, Суворов и Кутузов, добились своих побед благодаря знаниям в математике и стратегии. А спустя пару дней я услышала, как Конни, заводила среди братьев, вполголоса наставлял Никки:

– Я знаю, что скукотища! Но пойми ты, что без счетов в армию не возьмут!

– А может, она врет все, может, и возьмут... – слабо возразил Никки.

«Она» – это я, их любимая учительница.

– Да не, не врет. Мари тоже так сказала.

Ну да, Мари – непререкаемый авторитет, разумеется.

– Значит, надо... – тяжело вздохнул Никки и зашуршал, открывая задачник. И тут же захныкал: – Да ничего я не понимаю! Цифры все да закорючки... а это что за знак?

Конни тоже вздохнул:

– И я не понимаю. Нужно завтра пойти к ней и сызнава

спросить.

– Мари увидит! – ужаснулся Никки.

– Ну... можно до уроков. Тихонько, чтоб не слышал никто.

Мари... с нею было тяжелей всего. За три месяца я так и не сумела подобрать ключик к этой девице. Хотя и не очень старалась, если быть откровенной: мне всего-то нужно было, чтобы дети прилежно выполняли задания и не слишком докучали мне. Вообще-то Мари была девицей очень неглупой, сообразительной и эрудированной в самых неожиданных областях. Обожала шокировать домочадцев цитатами из Ницше и Карла Маркса и раз за разом пыталась доказать всем, что православие – ложная религия, а истинное видение мира людям открывается только после прочтения буддистских сутр...

Еще Мари сама пыталась изучать японский язык и культуру – ума не приложу, на что они ей сдались. Зато ее ошибки в родном языке могли соперничать по глупости с ошибками младших братьев, и по-французски она говорила едва-едва. Это при том, что в следующем году ей дебютировать, а я понятия не имею, как можно вывести ее в высший свет московского общества и не сгореть при этом со стыда!

Манера Мари одеваться заслуживала отдельного внимания. Сочетать ярко-алую блузку в полоску с зеленой юбкой в клетку было для нее в порядке вещей. Ежели она надевала платье, то почти всегда это платье было декольтировано

столь сильно, как я, например, не решусь надеть даже на вечер.

С волосами она и вовсе творила что-то невообразимое – должно быть, это снова была дань японской культуре.

– Что это у тебя на голове, деточка? – спросила Елена Сергеевна, когда Мари в первый раз вышла в подобном виде.

– Это прическа японской гейши, маменька.

– А что такое гейша? – простодушно изумилась та.

– Проститутка, – охотно пояснило дитя.

Маменька залилась краской, а папенька расхохотался.

Родители полагали, что их шестнадцатилетнее чадо – сущий ребенок, и приходили в восторг от его шалостей. Шалостями считалось ношение декольтированных платьев, обнажающих уже вовсе не детские формы, похищение учебников из классной комнаты с целью сорвать урок, а также и порча ножницами моего вечернего платья – Жоржик любил, когда я посещала званые вечера вместе со всей семьей, а иногда и без его жены вовсе. Подозреваю, что за порчу платья Мари все же досталось бы от родителей, но институтское прошлое запрещало мне жаловаться «старшим» на что бы то ни было. Я лишь стала тщательнее следить, чтобы дверь моей комнаты всегда была заперта.

Занятия оканчивались обычно в два, после чего все шли обедать. Я тоже проголодалась, однако мне было жаль тратить свое личное время на общение с Полесовыми, потому я решила, что пообедаю в городе, во время прогулки, поскорее переоделась и вышла на улицу.

Полесовы занимали весь второй этаж дома номер двадцать по Пречистенке. Квартира эта была не очень-то по карману Георгию Павловичу, который служил мелким чиновником в суде, но он изо всех сил старался сохранить апартаменты на Пречистенке, где жил, как он считает, *tout le beau monde de Moscou*³, к которому он, разумеется, себя причислял.

Я привычно прошла пешком до Арбата и в чистеньком уютном кафе, где была частой гостьей, выпила кофе с пирожным, после чего на извозчике добралась до Кузнецкого Моста.

Этот район Москвы считался раем для московских модниц, поскольку именно здесь сосредоточились лучшие модные, галантерейные и ювелирные лавки, преимущественно иностранные. Роскошные парижские платья за стеклянными витринами, завораживающие дух названия на ярких вывес-

³ Весь высший свет Москвы (*фр.*).

ках – «Гажелен-Опижес», «Сиже», «Чарльз Уорт», «Фаберже». Никогда прежде, пока училась в Смольном, я не интересовалась особенно модой, однако, зажив самостоятельно и начав распоряжаться деньгами, я вдруг с удивлением обнаружила, что мне нравится наряжать себя. Потому этот район я особенно любила.

Март в этом году выдался студеным, и вся Москва до сих пор была заметена снегом, но на Кузнецком Мосту даже казалось чуть чище и солнечней. Я не без удовольствия прошла вдоль Петровки, шурилась весеннему солнцу, разглядывая роскошные экипажи и изысканные туалеты дам, но делать сегодня покупки была не намерена. Я выбрала лишь несколько новых книг в букинистической лавке, потом заказала носовых платков и без интереса перемерила три пары перчаток, но так ничего и не купила. Зажав сверток с книгами под мышкой, я свернула в Столешников переулок и вскоре уже тянула на себя дверь под скромной, немного покосившейся вывеской, «Лефевр и К^о».

Это тоже был рай – причем уже персонально мой. Парфюмерная лавка, куда свозились как новинки из Европы, так и одеколоны российских парфюмеров – вечно соперничающих между собой месье Брокара и месье Ралле.

Хозяйка лавки, дама чуть за тридцать, эмигрантка из Франции, черноглазая смуглая брюнетка, которую все всегда звали просто Марго, без фамилии и без обращения мадемуазель, была истинной парижанкой. Изысканная и утонченная

до кончиков ногтей, окутанная шлейфами самых неожиданных парфюмов и, несмотря на то что живет в России уже очень давно, говорящая с сильным акцентом. Я и сама до девяти лет воспитывалась во Франции, французский язык считала родным, а русский долго мне не давался, как и избавление от акцента. Однако три месяца назад, когда возникла такая необходимость, я сделала над собой усилие – часами просиживала возле зеркала, тренируя артикуляцию и произношение, и теперь, кажется, говорила по-русски вполне чисто. Мне удалось даже овладеть московской манерой разговаривать – чуть растягивая гласные и смягчая шипящие. По крайней мере, ни мои наниматели, ни домашняя прислуга, ни друзья не подозревали, что я родилась за пределами Российской империи. Я считалась сиротою, дочерью мелкопоместных дворян Тальяновых, которая, по милости друга семьи, графа Шувалова, была устроена в Смольный после смерти родителей. С такой легендой мне было жить несколько проще.

Пока Марго обслуживала клиенток, я рассматривала полки стеллажей, уставленные склянками с ароматным содержимым: душистыми мылами, эфирными маслами и прочими милыми женскому сердцу вещицами. Среди склянок я отыскала вытяжку из сирени и, чуть приоткрыв флакон, припала к нему, закрывая глаза и мысленно уносясь в ту весну и тот май. Сирень я любила больше прочих ароматов Марго, но любовь эта была тайной, только моей. Я редко душилась

сиренью «на выход», как будто боялась, что воспоминания мои кто-нибудь подслушает.

Наконец покупательницы ушли, не пряча улыбок и сжимая в руках свертки с покупками – уйти от Марго без ароматной обновки и хорошего настроения было невозможно, поскольку она умела достучаться до каждой женщины, угадывая, что она именно сейчас хочет. Хозяйка лавки сама закрыла за ними, вывесив за дверь табличку «Обед», повернула щеколду, опустила портьеры и потом только вернулась, с ходу целуя меня в обе щеки.

– Лиди, дорогуша, давненько ты не заходила, я успела уже соскучиться, – она привычно перешла на французский.

– Я тоже скучала, – улыбнулась я, и тут мой взгляд упал на номер «Московских ведомостей», лежащий на прилавке и раскрытый как раз на той заметке, что читала я утром. – Видела уже? Что думаешь?

Марго повела бровью и, взяв газету, небрежно убрала ее куда-то с глаз, ответив лишь:

– Думать – это твоя забота, дорогуша, я всего лишь торговка душистой водицей.

– Ты торговка драгоценной водицей, – вполне искренне возразила я, заметив, однако, что настроение у нее сегодня неважное. Возможно, и правда из-за статьи.

Мои последние слова, разумеется, сработали: более всего Марго любила, когда люди проявляют уважение к духам. Вот и сейчас она мгновенно оживилась, чуточку повеселела

и потянулась к одной из полок, заговорив с придыханием:

– Тебе невероятно повезло: ох, что я тебе сейчас покажу... Эме Герлен⁴. Только вчера привезли! – Марго уронила капельку золотистой жидкости мне на запястье и припала к нему сама с горящими от предвкушения глазами. – Ты посмотри только, какая восхитительная лаванда... и трава... много свежескошенной травы! Я будто опять попала в Венсенский лес – там, возле озера Гравель, есть чудное местечко. Ах, как я любила бывать там в юности... ты помнишь озеро Гравель, Лиди?

– Смутно, – неловко улыбнулась я, – я была совсем ребенком, когда пришлось уехать из Парижа.

Мне тоже хотелось, пусть и в фантазиях, попасть сейчас на то озеро, о котором грезила Марго, но мысли мои были слишком заняты – не стоит и пытаться.

– Ну? Как? – не вытерпев, потребовала ответа Марго. – Тебе хоть нравится? Показать еще что-то, или... – она снова неопределенно повела бровью.

Впрочем, я ее отлично поняла и холодново ответила:

– Или.

Марго тяжело вздохнула, убирая духи обратно на полку:

– Ладно, давай работать...

Она сняла блокнот с закрепленного на поясе шатлена⁵,

⁴ Французский парфюмер, сын основателя парфюмерного дома «Герлен».

⁵ Аксессуар в виде цепочки с зажимом, на котором можно носить разные полезные вещи.

по-домашнему подперла щеку рукою и, облокотившись о прилавок, приготовилась записывать. Я тоже села, не спеша стянула перчатки. Напряженно глядя перед собою, стала диктовать:

– В Петербург – Шувалову. Сообщаю, что по вашему заданию никаких новостей нет. Сорокин себя не обнаружил. По-прежнему есть основания полагать, что Сорокин находится в Москве инкогнито, под чужим именем. На сегодняшний день подозреваемых трое...

– Трое? – Марго оторвалась от письма. – В прошлый раз было двое.

– А теперь трое, – хладнокровно подтвердила я.

Я сама чувствовала, что число подозреваемых растет у меня как на дрожжах: если в следующий раз я сообщу, что их уже четверо, то, верно, Платон Алексеевич решит, что я не справилась, что совершенно не подхожу для этой работы, и отзовет меня в Петербург.

– Жду дальнейших указаний. Подпись – Тальянова, – торопливо закончила я и начала снова натягивать перчатки, желая поскорее уйти. – Когда ты сможешь переслать это в Петербург?

– Сегодня зашифрую, завтра утром отнесу на телеграф. В общем, в полдень текст уже будет лежать на столе у Шувалова.

– Только в полдень? А поскорее никак?

– Зачем? – искренне изумилась Марго. – Сама же гово-

ришь, что никаких новостей...

– Ну да, – отозвалась я и не решилась более настаивать.

По правде сказать, я сомневалась, что Платону Алексеевичу вообще хоть сколько-нибудь важны мои сообщения: за три месяца, что я в Москве, я не узнала абсолютно ничего. Только выдумываю все новых и новых подозреваемых...

Глава третья

После того как в июле прошлого года окончила институт и с успехом выдержала общественный экзамен, стараниями своего дядюшки я была введена в лучшие дома Петербурга. Стала появляться в театре, на званных вечерах, на домашних балах у тех семей, которые по разным причинам в то лето Петербург не покинули. Надо сказать, эти развлечения дядюшка организовал для меня очень своевременно, поскольку настроение мое в ту пору было столь упадническим, что я каждую минуту могла расплакаться из-за сущей ерунды. А балы меня несколько развлекли и вернули вкус к жизни. Дядюшка давал за мной очень приличное даже по петербургским меркам приданое, так что я стала считаться завидной невестой. Молодые люди ухаживали за мною, некоторые из них мне даже нравились, а более всего я подружилась с Дмитрием С., который уже при знакомстве заявил, что очарован мною, а после я совсем потеряла счет знакам внимания с его стороны. В конце лета он вполне ожидаемо попросил моей руки. Дядюшка не уставал повторять, что Дмитрий очень хороший человек и блестящая партия, и я в какой-то момент сама была, кажется, не прочь сделаться замужней дамою... но в конце концов отказала.

Видя мою меланхолию, осенью дядя вывез меня в Европу

– мы отдыхали в Коста-Бланке, потом в Ницце, где дядюшка сказал, что после мы поедem в Париж и, ежели я захочу, он устроит так, чтобы я осталась там. Не могу передать, как меня обрадовала эта новость! Я не смела бы сама просить Платона Алексеевича, но еще в детстве, учась в Смольном, я мечтала, что когда-нибудь вернусь в мою родную Францию – страну, где я родилась и где умерли мои родители.

И вот настал день, когда я вернулась в Париж. Снова оказалась на Риволи, где когда-то гуляла с родителями, и радовалась, что именно сейчас, в сентябре, жарят каштаны, которыми баловал меня в детстве батюшка. Смотрела в перспективу Шанз-Элизе, благоухающую даже осенью, и с трудом представляла, что здесь скоро воздвигнут некую уродливую башню из металла. Верно, это журналистская шутка, ведь не может же быть, чтобы парижское градоначальство и впрямь решилось так испортить центр старинного города!

Я гуляла тогда и... понимала, что все не то. Мои воспоминания о Париже связаны только с родителями, а теперь, когда их нет, все здесь казалось чужим, новым и совершенно не похожим на то, что я себе воображала. Не прошло месяца, как я упросила Платона Алексеевича отвезти меня в Петербург. Домой.

Помню, что, когда поезд приближался к перрону, шел дождь, барабаня по крыше и окну; тяжелое, будто свинцовое, небо нависало совсем низко, и мелькали серые, неприветливые, но такие родные пейзажи. Я не вытерпела тогда –

не слушая возражений дяди, сама отворила окно в купе, высунулась, не боясь испортить прическу, и всей грудью вдохнула особенный петербургский воздух – студёный, сырой и чуть солоноватый.

– Сумасшедшая девчонка... – ворчал дядюшка, собирая разлетевшиеся по купе страницы газеты.

А я только беспричинно улыбалась, позволяя петербургскому ветру иссушить мои слезы. И впервые за многие-многие месяцы почувствовала себя, кажется, вполне счастливой.

Как-то за месяц до Рождества Платон Алексеевич остался вдруг дома вместо похода на службу и сразу после завтрака вызвал меня в свой кабинет. Очень издалека, так, что я даже не сразу поняла суть, он начал свой рассказ...

* * *

В первой половине нашего века родился во Франции и здравствует поныне морской офицер и талантливый изобретатель по имени Феликс дю Тампль. Несмотря на то что служил он в молодости на море, все мысли его занимало небо, а в частности покорение человеком этого самого неба – он строил летательные аппараты. Собственно, не он один стремился ввысь: до него были англичане Кейли, Хенсон, русский изобретатель Телешов и бог знает сколько еще желаю-

щих сравниться с птицами. Однако все их изобретения были лишь на стадии проектов либо полеты оканчивались грандиозными провалами. Феликс же дю Тампль первым в 1857 году понял, что монопланы куда эффективней, чем бипланы, которые проектировали прежде, и получил патент на строительство. А в 1874-м состоялся первый пробный полет полноразмерного летательного аппарата. Увы, неудачный – паровой машине не хватило мощности, чтобы поднять самолет в воздух.

Но все же это было событие. Причем событие не только в истории самолетостроения: появилась реальная возможность поднять человека в воздух! Это имело огромное значение прежде всего для политики – страна, которая владела бы машинами, умеющими летать, без сомнений, заняла бы более выигрышное положение в любой войне. Потому изобретением дю Тампля, а еще больше самим дю Тамплем интересовались разведки крупнейших мировых держав – в частности, Британии и России. Для обеих этих стран тема оружия была особенно актуальна, поскольку весь девятнадцатый век они соперничали за господство в Центральной Азии. И воевала Российская империя отнюдь не с полудикими племенами афганцев, а фактически с англичанами, которые с позволения афганских эмиров стояли во главе этих племен.

Англичанам в этой гонке повезло больше. По словам Платона Алексеевича, британская разведка завербовала родного брата дю Тампля, который был соавтором проекта: факти-

чески дю Тампль строил самолет для англичан. Если бы полет 1874 года был успешным – дю Тампля вынудили бы работать на Великобританию. Учитывая крайне нестабильное положение самой Франции в те годы, это было бы нетрудно.

– Но полет оказался неудачным... – договорила я за Платона Алексеевича. – Вы хотите сказать, что это не случайность? Не просто ошибка в расчетах?

– Я считаю, что это не случайность, – вкрадчиво глядя мне в глаза, согласился дядя. – Лиди, девочка, твой отец работал с дю Тамплом со стороны российской разведки. Это было его последнее задание. Мы не ставили задачу завербовать изобретателя или переманить его на нашу сторону... это могло бы испортить наши отношения с Францией, вылезти все наружу. Потому твоему отцу была поставлена задача лишь не дать дю Тамплю уйти в Британию. Сорвать испытания, если это будет нужно.

– Его и маму убили из-за этого? – через силу спросила я. – К этому, получается, имеют отношение англичане?

– Да, теперь это уже известно точно: его сдали британской разведке, причем сдали свои же, русские... – скомканно договорил дядя, раскрыл папку, что лежала на столе перед ним, и передвинул мне несколько листов, говоря уже так, будто отдавал распоряжение: – Связным твоего отца в Париже был другой наш человек. Настоящее его имя Сергей Васильевич Щербинин, но работал он под псевдонимом Сорокин. И предположительно в семидесятом или семьдесят

первом он был перевербован британской разведкой, но твой отец, не зная об этом, продолжал тесно с ним сотрудничать. Фотокарточки Сорокина, к огромному сожалению, у нас нет, и в лицо его среди моих людей никто не знает. Знал лишь твой отец. Но есть его словесное описание. Правда, тридцатилетней давности, но все равно прочти...

– Подождите-подождите, ничего не понимаю! – я, ужасно нервничая, отодвинула от себя бумаги, которые начала было читать. – Для чего вы мне это рассказываете? Для чего вам нужно, чтобы я знала имя человека, виновного в убийстве родителей? Я не хочу ничего этого знать!

Обычное мое хладнокровие оставило меня в тот момент: я разрывалась от желания немедленно вызнать об этом Сорокине все и одновременно забыть и то, что знала теперь.

Дядя же продолжал спокойно и невозмутимо, будто не замечал, что со мною творится:

– Нам нужен Сорокин, девочка. Это никак уже не связано с твоим отцом, но политическая ситуация в мире такова, что России необходим козырь в противостоянии с Британией: ситуация с Афганистаном достигла точки кипения. Козырем как раз может стать Сорокин. Сейчас Франция считается ближайшим союзником Британии, однако ситуация может в корне измениться, если французы узнают, какие игры англичане вели за их спиной в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году. Нам нужно найти Сорокина и, если он еще жив, заставить сотрудничать с нами.

– Если он еще жив?

– Он старше меня – ему уже за шестьдесят. После провала твоего отца он исчез из поля зрения. Долгие годы его считали погибшим, считали героем. Я лично всячески поддерживал его семью, оставшуюся в России: его жена умерла шесть лет назад, а единственная дочь замужем за неким Полесовым. Живет в Москве. Если Сорокин еще жив, то есть шанс, что он попытается связаться с дочерью – посредством писем хотя бы. Шанс небольшой, но он есть. Но работать с Полесовой нужно очень аккуратно. Если Сорокин что-то почувствует – тогда он исчезнет точно и контакты с дочерью прекратит. А моих людей он вполне может знать в лицо – маловероятно, но исключать этого нельзя. Поэтому нам нужен кто-то со стороны, кому я могу вполне доверять...

Он снова поднял взгляд на меня, и я уже понимала, зачем он мне это рассказал. Но не знала, хочу ли я влезать в это дело, справлюсь ли.

– Полесовы подыскивают гувернантку. Глава семьи – человек тщеславный, недалекого ума, ему польстит, что на место претендует аж выпускница Смольного. И легенду твою, разумеется, мы проработаем, чтобы не возникло подозрений.

– Нет, постойте... Сорокин ведь наверняка узнает меня по фамилии! Ведь он работал с моим отцом...

Дядя поспешно качнул головой:

– Он знал его как Габриэля Клермона, француза. И он по-

нятия не имеет, что у того была дочь. Он не узнает тебя, Лиди, девочка. Разумеется, я все предусмотрел.

* * *

Первые дни, как поселилась у Полесовых, я чувствовала себя настоящей шпионкой – почти как в приключенческих романах. Миссия моя мне казалась крайне важной, а саму себя я мнила едва ли не последней надеждой российской разведки. Особенно ярко я это чувствовала, когда шла на встречу с Марго, которая осуществляла мою связь с Платоном Алексеевичем. Первые разы я ездила к ней исключительно с лицом, закрытым вуалью, по три раза меняла извозчика и, как умела, путала следы.

Это потом пришло понимание, что шанс, будто Сорокин через столько лет действительно захочет связаться с дочерью, совершенно его не помнящей и не знающей даже в лицо, не просто небольшой – он мизерный. Ничтожный. Что дядя лишь подстраховался с помощью меня на самый-самый крайний случай, который едва ли когда-то наступит. А может быть, и вовсе выдумал для меня это развлечение, чтобы я просто почувствовала себя нужной. Увы, но никакая я не шпионка, а самая заурядная гувернантка. Дрянная к тому же...

Вуали были спрятаны подальше, извозчики, бывало, возили меня от парадной дома на Пречистенке до самого Столешникова переулка, а Марго я больше воспринимала как подругу, нежели как связную.

Да и сама Елена Сергеевна Щербинина-Полесова, которая прежде виделась мне эдакой копией коварного Сорокина, оказалась настолько далекой от политики и каких бы то ни было интриг, что я каждый раз чувствовала себя последней дрянью и предательницей, когда тайком рассматривала имена адресатов на ее почте.

Глава четвертая

В семь часов, к ужину, в дом Полесовых приехал старинный друг семьи – граф Афанасий Никитич Курбатов с внуком. Курбатовы и так навещали нас не менее двух раз в неделю, но сегодня их ждали обязательно. Дело в том, что в будущий вторник состоится день памяти Сергея Васильевича Щербинина – отца хозяйки дома, героя Кавказской войны и блестящего дипломата. Так привыкли думать в этой семье, и я почти не испытывала уже по этому поводу эмоций. Лишь иногда задумываясь, почему одним суждено считаться героями и посмертно, а другим покоиться в безымянной могиле в чужой стране.

Каждый год в день тезоименитства Щербинина Полесовы устраивали званый вечер, на который съезжались друзья по академии Генштаба, где тот когда-то учился, друзья по службе в дипкорпусе, боевые товарищи – официальный послужной список Сорокина был достаточно длинен. Одним из таких друзей по службе и был граф Курбатов – он поддерживал семью Полесовых финансово и фактически на его средства организовывались эти званые вечера.

Да, кстати, Афанасий Никитич является первым и самым главным моим подозреваемым. Мне показалась очень странной его задушевная дружба с Еленой Сергеевной – они

слишком много времени проводили вместе, гуляли наедине, встречались где-то за пределами дома, часто переписывались и вообще вели себя как лучшие друзья. И я предположила: не могло ли случиться так, что Щербинин-Сорокин после того, как исчез в 1874 году во Франции, стал выдавать себя за Курбатова? Если исследовать биографию графа, то можно отметить, что в юности, едва окончив академию, он был направлен в посольство в Лондоне. Вскоре он женился там на англичанке, но жена его умерла в родах, а новорожденного сына увезли родственники в Россию. В Лондоне Курбатов пребывал именно до 1874 года. Совпадение? К моменту его возвращения в Россию уж не осталось людей, которые помнили бы его прежнего: взрослый теперь сын с невесткою постоянно путешествовали, не думая возвращаться на родину, старинные друзья помнили его совсем юным курсантом, а из всех родственников остался один только внук.

То есть чисто теоретически ничего не мешало Сорокину встретиться с Курбатовым в Лондоне в 1874-м, ликвидировать его и вернуться в Россию уже под его, Курбатова, именем.

Но сейчас мы с графом и Еленой Сергеевной просто сидели в гостиной и играли в преферанс, наслаждаясь вечером – собеседником граф был исключительно приятным.

– Нет, Еленочка, я вам говорю, что на Кушке была не просто очередная стычка между русскими и афганцами... – очень по-домашнему делился мыслями Афанасий Ники-

тич, – англичане теперь знают, что мы ни пяди земли русской не отдадим и что полководцев их хваленых разделаем под орех, ежели понадобится. – Курбатов ткнул пальцем все в ту же пресловутую статью в «Ведомостях»: – Около шестисот погибших афганцев против сорока убитых и раненых русских! Это надо ж! При том, что афганцы превосходили нас по численности: их – четыре тысячи душ при восьми боевых орудиях, а наших – две тысячи. Думаете, простят нам англичане такое унижение? Не-ет! Будет война с англичанами – помяните мое слово, Еленочка, будет...

Курбатов являл собою высокого, статного и довольно привлекательного мужчину, хоть и было ему уже за шестьдесят. Выpravку имел военную, даром что в армии никогда не служил – по данным Платона Алексеевича, по крайней мере. Движения его всегда были ловкими, а ум острым.

– А я все же надеюсь, Афанасий Никитич, что не будет, – возразила ему с крайне озабоченным видом Елена Сергеевна. – Потому как нет на свете ничего хуже войны – должны же дипломаты наши взять это в разумение. Уж лучше худой мир.

– Ежели дипломаты понимали бы это, то войн и вовсе не случилось бы, – мягко и доходчиво пытался настоять на своем Курбатов, однако он явно пасовал перед обезоруживающей искренностью Полесовой.

– А я все ж таки надеюсь... – еще тише и мягче повторила та.

Елена Сергеевна приняла новость о возможной войне с англичанами очень близко к сердцу. Хворала, не вставая с постели до самого ужина, и даже сейчас поминутно вздыхала и прикладывала подрагивающую руку к губам. В этом была вся Елена Сергеевна. Право, более доброго, ранимого и чувствительного сердца я не знала.

Это была дама тридцати шести лет – темноволосая, несколько расплывшаяся в талии, с сеточкой едва заметных морщин возле глаз и легкой, притаившейся на губах улыбкой. Улыбка эта всегда казалась столь теплой и искренней, будто каждый собеседник Елены Сергеевны был самым дорогим ей человеком. И хотелось улыбаться в ответ и немедленно завести с нею дружбу.

– Глаза у вас, Еленочка, как у рафаэлевской Мадонны... – сказал вдруг Курбатов совершенно некстати, поймал руку Полесовой и поцеловал. – Как же похожи вы на вашу маменьку.

– Да полно вам, Афанасий Никитич, – смутившись, отобрала руку та, – глядите лучше в карты, а то, пока мы отвлекаемся, Лидочка нас снова обыграет.

– Всенепременно обыграю... – отозвалась, задумавшись над картами, я.

– Ну уж нет, Лидия Гавриловна, только не в этот раз! – рассмеялся Курбатов, возвращаясь к преферансу.

Надо отметить, что хозяин дома – Жорж Полесов – все это время находился здесь же, в другом конце просторной,

оформленной в голубых тонах гостиной. Он сидел вполоборота к фортепиано, закинув ногу на ногу, и лениво наигрывал что-то меланхоличное, видимо, соответствующее состоянию его души в этот момент. Огорчен Жоржик был из-за того, что намеревался ужинать по обыкновению в клубе, но погода на улице стояла слякотная, в то время как соседский пудель некстати изгрыз левую калошу Полесова. А две остальные пары не подходили по цвету к новому английскому пальто. Потому Жоржик остался дома и был в печали.

– Вот вы говорите, Афанасий Никитич, как у Мадонны глаза у Еленочки, – молвил вдруг Полесов, когда о Мадонне уже все забыли, – так ведь у Мадонны-то Рафаэля прикрыты всегда глаза или в сторону смотрят. Это как же?

На что Курбатов по-доброму рассмеялся:

– Ничего-то вы не понимаете, милый Жорж. Светлый у Еленочки взгляд – с таких иконы пишут. Ох, не цените вы своего счастья, Жоржик, не цените...

– Это отчего же не ценю? – не оборачиваясь, возразил тот. – Ценю, и даже весьма высоко.

За дверью в этот миг послышались шаги, а вскоре перед всеми предстали, держась за руки, Мари и графский внук Алекс Курбатов – молодой человек двадцати лет, про которого говорили, что он большой повеса и дебошир.

Мари, цепко держа Алекса за руку, прошла через всю гостиную к столу, за которым мы играли, и громко, почти торжественно провозгласила:

– Маман, Афанасий Никитич, мадемуазель Тальянова... мы с Алексом хотим вам сообщить кое-что. Папа, прекратите играть и подойдите, пожалуйста, это важно!

– Мне и отсюда все прекрасно слышно, крошка! – крикнул в ответ Жоржик и стал играть, кажется, громче.

Мари смирилась и пихнула зачем-то Алекса в бок, но тот молчал, явно чувствуя себя неловко. Тогда Мари заговорила сама.

– Маменька, мы с Алексом решили пожениться, – выдала она.

Я вскинула на них пораженный взгляд – первой моей мыслью было, что Полесовым незачем теперь держать гувернантку. И мысль эта оказалась отнюдь не печальной. Потом я посмотрела на родительницу Мари – но та и бровью не повела, а спросила только:

– Хорошо, та chère. А отчего вы с Алексом не вышли к ужину?

– Я же говорю, маменька: Алекс делал мне предложение.

– Ах да, понимаю. Но вы все же поужинайте, милые мои, в столовой еще не убрали...

– Мама, ты что, не слышишь, о чем я говорю?! – вспыхнула девица.

– Мари, ну право, не смешно!.. – Жорж, который все это время терзал клавиши, лениво прервал спектакль.

Похоже, я была единственной, кто на мгновение поверил несносной девчонке.

– Идите ужинать, новобрачные, иначе заработаете себе гастрит, – с той же невозмутимостью заметила Елена Сергеевна и вернулась к картам.

Мари еще раз обвела нас троих взглядом, после чего губы ее расплылись вдруг в довольной улыбке:

– Я же говорила вам, Алекс, что, когда люди дружат столько времени, сколько хотя бы мы с вами, они никогда не сумеют полюбить друг друга. Видите, даже маман в эту глупость не верит! Так что и Наташа Ростова ни за что на свете не влюбилась бы в Пьера Безухова. Она вышла за него только потому, что ее репутация после попытки сбежать с Анатоном была безнадежно испорчена и никто бы другой на ней не женился. Ну, и еще потому, что Безухов – граф, – Мари многозначительно хмыкнула.

Я уже совладала с собой, уверилась, что воспитанница моя в ближайшее время замуж не собирается, и заговорила в обычной своей наставительной манере:

– Очень рада, Мари, что вы осилили все же труд Толстого, но, кажется, читали, как всегда, по диагонали и ничего не поняли.

– Разумеется, по диагонали! – с вызовом отозвалась девица, – читать от корки до корки эту полную пафоса и морализаторства нудность – изощренная попытка, по моему мнению. Для чего, скажите мне, расписывать на пять страниц то, что можно уместить в одно предложение?!

Я сперва даже не нашлась что ответить. Когда я дискути-

ривала с Мари, это случалось со мною часто.

– Все же вам придется осилить «Войну и мир» целиком, ma chère, хотя бы для того, чтобы завтра правильно ответить на контрольные вопросы по сей книге. Я настоятельно прошу вас прямо сейчас пойти к себе и заняться подготовкой.

Резковатый мой тон не оставлял сомнений, что это именно приказ наставницы, а не ироничная рекомендация. Однако Елена Сергеевна попыталась возразить:

– Боюсь, это ужасно вредно – столько времени посвящать занятиям... – но тут Полесова встретила со мной взглядом и мигом передумала: – Хотя вам, конечно, виднее, Лидочка! Но пусть Мари сперва хотя бы поужинает.

– Благодарю, маман, – хмыкнула Мари, – но пребывание в этой комнате окончательно отбило у меня аппетит.

Не сделав даже книксена на прощание, она развернулась и вышла вон. Сомневаюсь, что Мари ушла читать Толстого.

Алекс же остался. Освободившись от моей воспитанницы, он поправил галстук и поднял голову с искренним раскаянием в глазах:

– Простите за эту сцену, господа... Мари меня с ума сведет – клянусь, это не я выдумал.

На что Елена Сергеевна лишь улыбнулась ему своей мягкой улыбкой:

– Это вы простите нас, Алекс, за нашу девочку – когда-нибудь Мари будет стыдно за свое поведение... И, разумеется, она не права насчет романа Толстого! – Полесова приложила

руки к груди и глядела на меня с таким сожалением, будто оскорбленный Толстой приходился мне близким родственником. – Это потрясающее произведение, просто потрясающее! Правда... я и сама читала его не полностью – перелистывала страницы про военные баталии, – Полесова чутьчку покраснела.

А Курбатов рассмеялся:

– А я, знаете ли, наоборот, с большим интересом читал про баталии, а перелистывал все эти салонные беседы. И про похищение Наташи совсем ничего не помню. Вот даже только что узнал, что она, оказывается, вышла замуж за Пьера! Экая шустрая девица! – Курбатов веселился вовсю.

– Да Наташа вообще была той еще штучкой, скажу я вам! – охотно отозвался из своего угла Жоржик. Сплетни он любил.

Обыкновенный вечер в доме Полесовых...

– Боюсь, что не могу разделить ваших мнений об этом романе, господа, – свысока заметила я, собирая свой последний карточный выигрыш. И уже более радушно добавила: – Я вас оставлю, хочу подышать воздухом перед сном.

Не прошло и минуты, как за мною на балкон вышел Алекс Курбатов. Он был очень привлекательный внешне, обаятельный и образованный молодой человек. Учился несколько лет в Сорбонне, но с последнего курса был выгнан за какой-то дебош, устроенный с сокурсниками. Вернулся в Петербург и во время первого же своего сезона оказался замешанным в

некоем светском скандале, после чего ему пришлось второпях уезжать из столицы. Теперь он остановился в Москве, у дедушки, и пока вроде бы ничем себя запятнать не успел. Однако я все равно поражалась самонадеянности Полесовых, позволяющих дочери буквально часами оставаться наедине с месье Курбатовым. Я пыталась это прекратить первое время, но наткнулась на такое искреннее непонимание родителей, что вынуждена была уступить.

Да и Алекс все же, несмотря на дурную его славу, казался мне человеком порядочным – бог его знает, что там случилось в Петербурге, быть может, это лишь досадное недоразумение. Мне Алекс вполне нравился, а по части выходок моя прелестная воспитанница его даже превосходила, часто вгоняя его же в краску. Если бы эти двое и правда поженились, боюсь, вышел бы такой взрывоопасный коктейль, что их не принимали бы ни в одном приличном доме.

А сейчас мы стояли на балконе, и Алекс рассказывал мне какой-то не вполне приличный светский анекдот, а я делала вид, что мне смешно и что я ничуть не смущаюсь. А потом, отсмеявшись, я томно вздохнула и как будто невзначай заметила:

– Я вся в предвкушении праздничного вечера... Это так славно, что дни памяти Сергея Васильевича проходят не в черных тонах и с минорной музыкой, а как настоящие балы. Я буду на том вечере в темно-синем платье, а вы что надеваете?

– Синий галстук – чтобы в тон вашему платью, – отозвался Алекс, заслужив мою одобрительную улыбку. – Вы обещаете мне за это первый тур вальса?

– Первый тур занял Георгий Павлович, но вам я с удовольствием обещаю второй.

– Благодарю, моя прекрасная леди, – Алекс поймал мою руку и поцеловал, а я снова засмеялась. – Несказанно рад, что у меня будет, наконец, возможность с вами потанцевать. И вдвойне благодарен покойному Сергею Васильевичу за эти поминки. Дедушка говорит, что он был очень жизнерадостным человеком и традиционных поминок, на которых все зевают, просто бы не потерпел.

– Ваш дедушка столько делает для Полесовых... должно быть, они очень дружны были с Сергеем Васильевичем.

Алекс состроил уморительную гримаску, и я снова расмеялась, а он продолжил:

– Едва ли они очень дружили... я думаю, там что-то другое.

– И что же? – я всем видом изобразила свой интерес.

– Дедушка любит повторять, что папенька Елены Сергеевны когда-то спас ему жизнь... Но он ни разу не говорил ни о какой дружбе между ними. Он вообще предпочитает избегать разговоров о своей молодости и Сергее Васильевиче в частности.

– Любопытно... – обронила я. – Ведь ваш дедушка служил в Лондоне в посольстве. Он никогда не был на войне – как

же его жизни могло что-то угрожать?

– А ведь верно, – призадумался Алекс. – Право, не знаю, надо бы расспросить об этом дедушку получше – вы заставили меня задуматься, Лиди.

– Обещайте, что потом расскажете мне! – заговорщицким шепотом попросила я. – Вы же знаете, как я любопытна.

И все же долго выдерживать компанию Алекса я не могла: столько улыбаться и смеяться над неприличными глупостями мне было не под силу. Попрощавшись, я направилась к себе, думая о том, что эта фраза «он спас мне жизнь» скорее всего образное выражение – не в прямом смысле. Это как, например, барышни, увидев жабу, кричат: «Ах, я сейчас умру от страха!»

Кстати, о жабах. Когда я вошла в спальню и в темноте попыталась нащупать свечку, стоящую обычно на столике возле двери, ее там не оказалось. Как, впрочем, и свечи на прикроватной тумбе. Отлично, дети решили оставить меня без света, и основное веселье, видимо, ожидает меня позже, когда я найду на своей подушке, например, жабу, как в прошлый раз.

Но дети редко повторяются, поэтому я решила не рисковать и снова вышла в коридор, чтобы взять свечу из канделябра. В своей постели под покрывалом я нашла металлическую щетку для чистки сковородок – довольно острую. Ею, пожалуй, можно было и травмироваться. Интересно, это то-

же попадает в разряд детских шалостей? А в следующий раз эта пигалица что сделает – мышьяк мне в кофе подмешает?

Я не сомневалась, что идея принадлежала Мари.

Когда я соглашалась на это приключение, дядя и впрямь предупреждал, что оно опасно. Только я никак не думала, что опасность будет связана с моим гувернантским прикрытием, а не с поисками Сорокина. Так и не решившись лечь в постель, я села в кресло рядом с кроватью и долго еще сидела так в кромешной тьме, думая, где мне набраться сил, чтобы пережить еще один подобный день.

Глава пятая

Первыми, кого я увидела, войдя в следующий вторник в танцевальную залу праздничным вечером, были остальные двое моих подозреваемых – они вели меж собою неспешную беседу, пили шампанское и светски раскланивались с проходящими мимо знакомыми. Старинные приятели – ни дать ни взять.

Одним из этих подозреваемых был Денис Ионович Стенин – приземистый и полный пожилой мужчина. Его почти не тронула седина, как прочих его ровесников, зато волосы заметно поредели, оставляя на лбу и макушке большие залысины. Лицо он имел одутловатое и нездоровое из-за пристрастия к спиртным напиткам, а солидное брюшко едва удерживали пуговицы сюртука странного грязно-желтого цвета. Впрочем, одной пуговицы не хватало...

Стенин был очень небогатым человеком, если не сказать нуждающимся – сколько я его знала, он всегда ходил в этом грязно-желтом сюртуке без пуговицы, меняя лишь галстуки и сорочки. По его словам, они с Щербининым вместе воевали против Шамиля в 1845 году⁶. После же того, как был ранен в 1847-м, Стенин оставил военную карьеру и просто

⁶ *Шамиль* (1797–1871) – имам, предводитель кавказских горцев, вел борьбу с Российской империей в середине XIX в.

пропал из поля зрения российского правительства на добрые тридцать лет, объявившись лишь в начале восьмидесятых в Москве. На мой взгляд, это вполне мог быть сам Сорокин, уставший скитаться и решивший хоть под конец жизни увидеть дочь. Он навещал дом Полесовых заметно реже, чем граф Курбатов, но тоже был здесь частым гостем. Никогда не являлся без гостинцев для младших Полесовых, мог часами рассказывать им истории «из фронтовой молодости», и за это дети его обожали.

А вот третий мой подозреваемый появился в Москве всего неделю назад, но уже успел посетить Полесовых целых три раза. Это был Петр Фомич Балдинский – самый обычный в общем-то пожилой мужчина, если бы не несколько любопытных деталей. Его лицо было сильно обожжено, вызывая с первого взгляда даже отвращение и, разумеется, делая его неузнаваемым для друзей молодости. С Балдинским было много странностей. Взять хотя бы то, что в градоначальстве Омска, где, как он утверждает, служил когда-то бок о бок с Щербининым, такой фамилии никогда не слышали. Щербинин там действительно числился, а вот Балдинский – нет. Но где они тогда познакомились? И зачем Балдинский лжет?

Я не сводила глаз с этой парочки, пока кружилась в вальсе с Полесовым, и была настолько погружена в мысли, что почти не слушала его пустую болтовню, становившуюся с каждым словом все более и более вольной. Только когда Полесов обнаглел настолько, что жадно провел рукой по моему плечу

и коснулся обнаженной ключицы, что было уж вообще ни в какие ворота, я рассеянно посмотрела в его глаза и спросила тем же тоном, как спрашиваю у своих нерадивых учеников:

– Что вы делаете?

– Вы сегодня обворожительны, зайчонок мой, – глаза его маслено блестели, – у меня нет никакой возможности удержаться. Что мне сделать, чтобы вы меня поцеловали?

– Сбрить усы, – не раздумывая, ответила я.

Жоржик в панике дотронулся до своей напомаженной гордости и, кажется, всерьез принимал решение.

– И... тогда я могу рассчитывать на ваше расположение? – с сомнением спросил он.

К счастью, отвечать не пришлось, поскольку музыка кончилась, – я попросила только отвести меня на место. Что-то я не подумала, как буду выкручиваться, ежели завтра он и впрямь появится без усов...

Полесов усадил меня на стул подле своей жены и отделался от нее лишь тем, что поцеловал руку. Едва же он отошел, Елена Сергеевна наклонилась ко мне и зашептала заговорщически:

– Спасибо вам, Лидочка, что выручили: я так неловко танцую – Жоржику было бы стыдно со мной. А вы просто очаровательно двигаетесь, *ma chère*, и это платье очень вам идет. А что за духи? – она потянула носом. – Я у вас таких не помню, что-то новенькое?

– Крид «Цветы Болгарии», – торопливо ответила я, не ре-

шаясь смотреть в глаза Елене Сергеевне.

– О, если не ошибаюсь, это любимые духи королевы Виктории? И такая восхитительная роза... можете мне такой же флакон достать?

– Я вам с удовольствием подарю этот – я ими почти не пользуюсь...

И Полесова принялась меня горячо благодарить, а я сидела, так и не подняв глаз. Временами ее святая простота наталкивала меня на мысль, что мадам Полесова прекрасно осведомлена о похождениях своего мужа, смирилась с ними и научилась обращать в свою же пользу...

Стараясь скорее отринуть дурные мысли, я попыталась снова найти взглядом Стенина и Балдинского. А заодно и Курбатова, по возможности. Однако обзор мне уже загородил Алекс, и я с неудовольствием вспомнила, что обещала второй танец ему.

Разговаривать с Алексом Курбатовым было все же приятней, чем с Полесовым. По крайней мере, вольностей он себе не позволял, а его анекдоты хоть и были на грани, но не выходили все же за рамки приличия. Кроме того, Алекс был ценен тем, что держал меня в курсе всех новостей о своем дедушке.

– Вы видели, в каком наряде вышла сегодня Мари? – спросил с долей раздражения он.

О да, видела. Мари оказалась единственной на балу, кто был в трауре – черное закрытое платье, черные же перчатки

и даже вуалетка на лице. Она не танцевала, а только сидела в углу с минорным выражением лица и пару раз, кажется, всплакнула.

– То она говорит, что терпеть не может патриархальные условности, – горячился Алекс, – то является на бал в трауре – по дедушке, которого никогда в глаза не видела! Мне кажется, она все делает наперекор нам! Что за несносное создание!

– Право, Алекс, вы говорите так, будто сегодня впервые узрели Мари, – уж вы-то должны бы давно привыкнуть к ее шалостям, – легко отмахнулась я.

– Да, наверное... и не в Мари дело – просто я сегодня весь день в дурном расположении духа, потому что не выспался.

– Выдалась бурная ночь? – уточнила я с наигранным сочувствием.

– Можно и так сказать... сегодня ночью, часа в три, нас – представьте себе – посетили гости. Господин Балдинский явился с каким-то срочным разговором к деду. – Вот с этого момента я стала слушать куда внимательней. – Они, верно, думали, что никто их не слышит, да только весь дом проснулся... а моя спальня как раз над кабинетом, где они засели. У меня и так слишком чуткий сон, а они до невозможности громко говорили. Я больше и глаз не сомкнул до самого рассвета.

– А зачем же господин Балдинский приезжал? Разве не мог разговор подождать до утра?

– Вот и я о том же! Не знаю, зачем он явился, но дедушка и после его ухода остаток ночи ходил из угла в угол по кабинету и не спал. Ну, и я не спал, потому что, как уже сказал, у меня ужасно чуткий сон...

– А о чем же все-таки они говорили, да и еще так громко? Они ссорились?

– Лиди, не знаю, право, мне дела нет до того, о чем они говорили! – Алекс поморщился – он и правда был сегодня не в духе. Настаивать я не решилась, уверенная, что выясню все позже при случае.

Остаток танца я молчала, думая о том, что Балдинский ведь гораздо более других подходит на роль Сорокина – если Сорокин, разумеется, вообще в Москве. Ожог на лице мог быть жесткой, но необходимой мерой: волевой человек, шпион, вполне способен на это пойти, если бы захотел вернуться в Россию неузнанным. И пробелы в биографии – это факт, который игнорировать невозможно. А теперь еще выясняется, что у него какие-то дела с Курбатовым, ради которых он может ворваться в дом графа ночью, хотя единственное, что объединяло их, – знакомство с Щербининым много лет назад. Друг с другом же они познакомились лишь неделю назад у Полесовых.

Я чувствовала, что Балдинский очень странный персонаж! Очевидно, мне нужно доложить о своих догадках Плутону Алексеевичу. И тянуть с этим нельзя – вот прямо завтра и поеду к Марго!

Музыка стихла. Алекс, который не получил от танца ни малейшего удовольствия, отвел меня на место, и я с удвоенным интересом начала выискивать взглядом теперь уже персонально графа Курбатова. Увидела Стенина, залпом осушающего очередной бокал шампанского; увидела Балдинского, нервно оглядывающегося и покидающего танцевальную залу; но Курбатова отыскать мне не удалось. Возможно, я и нашла бы его, но, когда выхватила из толпы взгляд черных, жгучих глаз, смотрящих на меня пристально, тяжело и почти не мигая, я забыла обо всем на свете.

Забыла, где я, зачем я, и вообще – реальность ли это? Только сердце билось оглушительно громко, и волнение было столь сильным, что я безотчетно вцепилась пальцами в подлокотники кресла.

Это действительно был Евгений Ильицкий.

По-прежнему неотрывно глядя на меня, он вдруг начал приближаться. Я поднялась на ноги, паникуя уже не на шутку, и не придумала ничего лучше, чем быстрым шагом, с трудом продираясь сквозь толпу гостей, направиться к дверям из танцевальной залы.

Глава шестая

Снаружи, в просторном холле, царил полумрак. Зато было настежь раскрыто несколько дверей – в гостиную, где часть гостей играли в карты и откуда доносились смех вперемешку с нестройными звуками фортепиано; и в столовую, где тоже смеялись и звенели бокалами. Из холла же вела парадная лестница на первый этаж дома.

Я, слушая биение собственного сердца, остановилась, понятия не имея, что мне делать дальше, как дверь вдруг открылась. Снова это был Ильицкий, – и снова его глаза, лишающие меня самообладания. Однако на этот раз панику мне удалось подавить, и, будто так и нужно, я развернулась и неспешно направилась в глубь коридора, зная, что он идет за мной. Наугад толкнула первую попавшуюся дверь – это оказалась библиотека, к счастью, пустующая сейчас.

Тотчас следом вошел Ильицкий, не думая просить у меня позволения. Я потянулась было, чтобы подкрутить потухшую лампу, но он так и не позволил мне этого сделать. Ильицкий обхватил мое лицо руками, приблизил к себе и глядел в него жадно, настороженно, будто не верил еще, что это я.

– Женя... – прошептала я и легонько погладила пальцами его щеку.

Поверить и впрямь было трудно. Как? Откуда? Никто из прежних друзей не знал, что я в Москве...

Но он уже поймал мою ладонь – сжал ее крепко, прильнул к ней губами. А после, будто опомнившись, начал торопливо и беспорядочно целовать мои виски, лоб, веки.

– Лидушка, – выдохнул он мне в ухо, – я думал, уж никогда не увижу тебя больше.

– И я так думала, – улыбалась я в темноте, скользя щекой по его щеке.

Губы наши встретились как будто случайно. Женя замер, наверное ожидая, что я отстранюсь, – не дождался. А меня покинули все разумные мысли, хотелось расплакаться от счастья, поскольку я уже стала забывать вкус его поцелуев и те чувства, которые рождали они во мне. И кажется, даже тогда не было так хорошо.

А после мое сознание, которое мне временами хотелось выключить вовсе, чтобы не мешало, начало развивать логическую цепочку. Как вообще случилось, что мы встретились? Ежели он сумел меня найти, то сумеют и другие. Поймут, зачем я здесь, и выйдут на Платона Алексеевича...

Я потеряла к поцелуям интерес и отстранилась. Испуганно смотрела в любимые глаза, желая отыскать ответ.

– Как ты нашел меня? Кто сказал, что я здесь? – я спросила это излишне резко и требовательно: страх, что я разоблачена, оказался сильнее прочего.

– Никто не сказал, – Ильицкий нахмурился – кажется, ему

тоже стало не до поцелуев. – Я случайно попал на этот вечер: приехал с приятелем по академии Генштаба – он однокашник покойного Щербатова...

– Щербинина, – поправила я.

Жутко признавать, но я снова не доверяла этому мужчине, снова ждала от него подвоха.

– Да хоть Пушкина, – бесстрастно отозвался Ильицкий, позволяя мне на этот раз зажечь светильник.

У меня же все мысли сейчас были о том, что это за однокашник. Еще один приятель Сорокина? Еще один подозреваемый? Или все-таки случайность?

А повернувшись, я даже смутилась. Ильицкий, пока я вошла со светильником, жадно вглядывался в мой профиль – в его глазах не было теперь того жара, что еще минуту назад, но он смотрел так, будто опять не верил, что это я. Будто боялся, что я сейчас исчезну.

Но скоро опомнился, и во взгляде снова появилась усмешка, как броня, за которой он – настоящий – прятался.

– Значит, ты все же стала гувернанткой, – произнес Ильицкий, улыбаясь уголком губ, – с твоими талантами и приданным твоего попечителя – право, я думал ты давно уже расплывшаяся, глубоко беременная барыня.

– Увы, – я почему-то улыбнулась в ответ на дерзость. Странно, мне сперва показалось, что Ильицкий изменился, став чуть более галантным. Но мне лишь показалось, слава богу. И еще я решила, что наша встреча – это все-таки

случайность, а о Сорокине я вполне могу подумать позже. Я имею на это право, в конце концов! – Платон Алексеевич лишил меня приданого и своей милости, когда... ты слышал, наверное, что я отказала жениху, которого он для меня нашёл?

– Слышал, – подтвердил он и поправил локон, упавший на мой лоб, – разумеется, ведь карьера гувернантки – это куда интереснее, чем стать женой какого-то там князя.

– Всего лишь графа.

– Тем более.

И снова он заключил меня в плен своих рук, целуя так, что посторонние мысли окончательно перестали меня тревожить. А потом, как гром среди ясного неба, Ильицкий сказал:

– Я надеюсь, дети Полесовых не слишком расстроятся, если ты уйдешь из этого дома? Я хочу, чтобы ты вернулась в Петербург и стала моей женой.

От неожиданности я даже охнула. Я надеялась услышать от него эти слова – надеялась и уже не чаяла дожждаться. Мечтала, конечно, что он скажет их не таким дежурным тоном, хотя... ничего более нежного и романтического я от Ильицкого действительно не слышала. Но – боже мой, как же не вовремя!

– Я не могу, – вырвалось у меня само собой, и я торопливо добавила: – Сейчас не могу – может быть, позже... Словом, мне нужно подумать.

Ильицкий, разумеется, ждал от меня другого ответа – кажется, он даже смутился:

– Ну... хорошо, подумай. – Впрочем, уже через мгновение он вернул в голос обычное хладнокровие и нагло вато улыбнулся: – Только недолго, потому как завтра утром у меня поезд.

Конечно, он не сомневался, что мой ответ будет положительным – наверное, я слишком предсказуема. Меня же эта его самоуверенность мгновенно разозлила. И еще больше злило то, что он настолько опоздал со своим предложением. Я должна была теперь довести до конца задание Платона Алексеевича, я не могла оставить все вот так!

Поэтому в сердцах я бросила ему в лицо:

– Хотя, знаешь, я уже подумала и отказываю тебе!.. Раз ты так торопишься на свой поезд. Да и маман, боюсь, не будет в восторге от твоего выбора. Кстати, как она?

– Превосходно. Натали с Мишкой нарадоваться не могут ее мудрым советам по воспитанию Митеньки. Она ведь уже доказала, какого славного, доброго и чуткого ребенка может вырастить. Значит, ты мне отказываешь?

И качнулся в сторону двери.

– Ты уходишь? – в волнении спросила я, безумно боясь, что он так просто отступит, покинет сейчас этот дом и никогда больше не вернется.

Я вела себя глупо и непоследовательно, как какая-нибудь истеричная институтка, которая сама не знает, чего хочет, –

я понимала это, но ничего не могла поделать. Мне нужно было взять хоть минуту на размышление. Слишком неожиданным оказалось его появление сегодня.

Но минуты этой мне никто не подарил. Напротив – как будто чтобы окончательно свести меня с ума, из коридора вдруг раздался пронзительный, полный ужаса, женский вскрик. И это была Аннушка, горничная.

Начала стихать музыка, послышались торопливые шаги и взволнованные голоса. Мы же с Ильицким стояли, почти не дыша, и оба, наверное, думали об одном и том же.

– Я выйду первым... – сказал наконец он, когда шум за дверью уже не оставлял сомнений, что в доме произошло что-то ужасное.

С трудом выждав после него полминуты, я тронула дверь и тоже выглянула в коридор. Гости толпились в служебном крыле, где были подсобные помещения, кухня, несколько спален, в том числе и моя, и одна гостевая комната, которой никто сейчас не пользовался. Очевидно, в этой комнате что-то и произошло.

– Балдинского...

– Убили...

– Застрелили...

– Кто-то из гостей...

Стараясь не делать поспешных выводов из коротких взволнованных реплик, я пробиралась меж гостями в конец коридора. Но очевидно, что что-то ужасное случилось имен-

но с Балдинским. С человеком, которого я уже готова была признать Сорокиным, о чем и собиралась телеграфировать завтра Платону Алексеевичу. А теперь его убили...

* * *

Балдинский действительно был мертв. Убит из револьвера, хотя выстрелов никто не слышал: кажется, использовали подушку, которая заглушила грохот, – по комнате еще кружили перья. В самую спальню я не входила, опасаясь продемонстрировать слишком явный свой интерес, а стояла в толпе прочих любопытствующих. Вот только саму меня изводило не любопытство, как ни странно, а, скорее, ноющее чувство вины, что я, доверенная Платона Алексеевича, была рядом и не сумела этого предотвратить.

Еще я обвела взглядом наших разволнованных гостей – ведь вполне возможно, что кто-то из этих людей только что застрелил Балдинского. Он должен чем-то себя выдать!

Граф Курбатов и какой-то седоватый подтянутый господин лет пятидесяти находились в комнате с телом. Мужчина этот минуту назад проверял пульс Балдинского, а теперь неслышно переговаривался с Курбатовым. Кроме них в самую комнату войти никто не решался.

– Кто этот господин, рядом с графом, вы не знаете? –

негромко спросила я у Стенина, который с потерянным видом застыл подле меня.

– Не знаю, Лидочка, – отозвался тот, – должно быть, тоже один из приятелей покойного Сергея Васильевича. Ох, вы позвольте, я отойду, право... отвык я от подобных зрелищ.

Я посторонилась, пропуская его и думая, что «еще один приятель» не кандидат ли на место Сорокина? И не он ли убийца Балдинского: стоило ему в первый раз посетить дом, как произошло убийство. Отличное совпадение.

– Это Якимов Лев Кириллович, – прозвучал у меня над ухом голос Ильицкого так неожиданно, что я вздрогнула, – он говорил негромко, чуть наклонившись ко мне. – Вместе с Щербининым учился в академии Генштаба – я рассказывал о нем. Кстати, стыдно тебе не знать таких людей – он профессор математики с мировым именем.

Я метнула в Ильицкого испуганный взгляд: не от стыда, что не узнала профессора с мировым именем, а от мысли, что такой замечательный кандидат в подозреваемые – приятель Ильицкого. Этого еще не хватало.

– Предвкушаешь расследование? – спросил он, откровенно ухмыляясь.

Да, я и правда очень предсказуема. Для него, по крайней мере.

– Ошибаешься, подобное меня больше не интересует. Я здесь только лишь из-за своей воспитанницы.

В подтверждение слов я начала искать взглядом Мари – та

стояла у самых дверей в компании Алекса Курбатова, любопытствующе заглядывала в комнату, и они живо что-то обсуждали.

– Мадемуазель Полесова! – окликнула я ее. – Вам нечего здесь делать, вам давно пора спать.

– Как же я могу спать, когда в доме убийца! Любой из нас может им оказаться... – Мари с наигранным ужасом в глазах обвела взглядом присутствующих – и те, заражаясь тревогой, оглянулись на рядом стоящих. А девица продолжала, подозрительно прищурившись: – Может быть, это даже вы, мадемуазель Тальянова... где вы только что были?

Гости тотчас обернулись на меня, наверное, припоминая, что я и правда внезапно покинула танцевальную залу, исчезла с глаз, а потом так же внезапно материализовалась рядом с трупом.

Я почувствовала, что хладнокровие снова меня покидает: мне нельзя быть настолько на виду! И разумеется, не нужно, чтобы люди и впрямь начали задумываться, где я была перед убийством.

– Мари, прекратите! Немедленно идите за мной!

– Нет уж, никуда я с вами не пойду, вдруг вы и правда... – паразитка в притворном страхе отступила назад.

И лишь поймав мой взгляд, совершенно недружелюбный, Мари поубавила пыл, коротко попрощалась с присутствующими и направилась к своей комнате. Я, даже не взглянув в последний раз на Ильицкого, чтобы не видеть в его глазах

насмешку, скорее ушла следом.

Глава седьмая

Полицейские пробыли в доме недолго. Ограничились тем, что увезли тело Балдинского и попытались найти оружие, из которого его застрелили. Для этого они обыскали всех мужчин, включая домочадцев и гостей, гостевую комнату и газон под окнами, но оружия, как ни странно, не нашли. На том и остановились, пожелав хозяевам спокойной ночи и пообещав, что в ближайшие дни приедет полицейский сыщик, который расспросит их о произошедшем подробней.

Но, разумеется, ни о какой спокойной ночи и речи идти не могло. Домашние слуги прочно засели в кухне, устроив швейцару Федору допрос с пристрастием – пытались вызнать, кто посторонний входил в дом. В то, что убийцей является кто-то из гостей или, упаси бог, домочадцев, они верить отказывались.

Заводилой была, разумеется, наша горничная Анна – подвижная и говорливая женщина под сорок. Аннушка успела похоронить мужа, а единственного сына, мальчика на пару лет старше нашего Митрофанушки, устроила в гимназию, выбиваясь теперь из сил, чтобы оплатить учебу: помимо работы у Полесовых, она бралась стирать белье у всей улицы и перешивала старые вещи. При этом Аннушка никогда не жаловалась, а напротив, всегда была в хорошем настроении,

всегда жива, доброжелательна и, главное, обладала той самой чисто житейской мудростью, которая приходит только с годами, и то не ко всем.

Тело Балдинского обнаружила именно она, когда шла по коридору и увидела, что дверь в гостевую приоткрыта.

– Думаю, как же это?! – громко, размахивая в волнении руками, повествовала сейчас Анна о своих чувствах. – Кому это комната понадобилась на ночь глядя? Ее, правда, на ключ не запирали отродясь, да туда все равно не ходит никто. А тут дверь приоткрыта... я и толкнула ее, а там – ба-тюшки!.. Я с перепугу-то и заорала, дура старая.

Я, еще из коридора слышав эмоциональный Аннушкин рассказ, тихонько вошла, взяла в буфете чашку и налила себе из самовара. На кухне я была частым гостем, любила вечерами посидеть с Анной за чаем и иногда заходила к ней, чтобы помочь с шитьем, получая в награду порцию свежих сплетен со всей Пречистенки. На кухне и воспринимали меня, наверное, как прислугу – такую же няню, как Катюша, не вдаваясь в тонкости.

Аннушка тем временем, не прекращая рассказа, плеснула мне в чай вишневой наливки собственного изготовления.

– Нервы подуспокоить, Лидия Гавриловна, – пояснила она.

Тут я вспомнила, что мне надо бы тоже разволноваться.

– Ох, – сокрушенно покачала я головой, присаживаясь на табурет, живо освобожденный мне лакеем Пашей, – как я

перепугалась... я бы на вашем месте, Аннушка, вовсе, наверное, чувств бы лишилась. – И, помолчав, уточнила: – Так что же, совсем никто не видел, как бедный Петр Фомич туда входил и с кем? Даже Катя? Ее спальня ведь как раз напротив гостевой.

– Говорит, что не видела ничего и не слышала, – Аннушка сморщила нос, – да вы же знаете, как Катька разговаривает: фыркнула и проворчала только в сторону.

Катюша и правда любопытством никогда не страдала, ее мало что интересовало в жизни, кроме собственных забот и печалей. Сомневаюсь, что она насторожилась бы, даже пройди убийца с револьвером мимо нее. Катюши сейчас не было в кухне – она вообще ходила сюда редко, полагая, очевидно, что кухонное общество ей не ровня.

– Говорю же, с улицы это зашли – точно кто-то чужой был! – стояла на своем меж тем Аннушка.

– Никто посторонний не заходил, еще раз тебе говорю! – отвечивал ей Федор – высокий статный мужчина, бывший солдат, служивший швейцаром в нашей парадной. Он тоже любил заходить на чашку вечернего чая – в основном, конечно, ради Аннушки, которая, ко прочим своим достоинствам, была особой довольно милостивой. Подумав, Федор добавил: – Разве что господа постоянно прибывали – ну так и из них никто дома не покидал! Это уж когда ты завизжала на всю Пречистенку, разъезжаться начали.

– Это вы про Шумовых? – осведомилась я как можно без-

различнее. – Они ведь, кажется, еще до приезда полиции уехали.

– И про Шумовых, и про Никольских, – начал перечислять Федор, – и Разины еще уехали – уже перед самой полицией. Я умом-то понимаю, что нельзя никого выпускать, да только разве станут меня господа слушать?

– Не корите себя, Федор, все равно полиция не опрашивала никого, – отозвалась я.

Собственно, ради этих сведений – кто уехал до приезда полиции, а значит, теоретически мог увезти оружие – я пришла в кухню. Только ничего мне это не дало. Госпожа Шумова вот-вот должна была разрешиться от бремени, так что их желание отгородиться от лишних волнений вполне понятно. Никольские, мать и дочь – одной девяносто два года, второй семьдесят четыре, – подходили на роль убийц с трудом. Разины, семья с целым выводком детишек, тоже едва лигодились. Хотя все может быть. Надо будет их всех проверять, но пока ума не приложу как...

Как бы там ни было, очевидно, что Балдинского застрелил кто-то из господ, официально приглашенных этим вечером в дом. Федор – человек ответственный, у него и мышшь не проскочит незамеченной. Причастность соседей с первого этажа, с которыми у нас была общая лестница, я отмела сразу: они всей семьей со слугами отбыли вчера утром на дачу, оставив в квартире лишь приходящую горничную и старичка лакея.

С черной лестницы, что вела во двор прямо из кухни, тоже никто не мог войти – без ведома Анны, по крайней мере. Я знала, что каждый вечер в десять часов она запирает дверь. И окна запирает на щеколды, тем более что сейчас март, в квартире ощутимо холодно и нужды в лишнем сквозняке нет.

Допив свой чай, я сослалась, что мне надобно пожелать доброй ночи Елене Сергеевне, и ушла. Я действительно направилась к Полесовой – та еще не спала. Хозяйка дома в облаке белых кружев, бывшем ее пеньюаром, полулежала в постели, а горничная отсчитывала ей капли в стакан. Сквозь слезы, икая и обмахиваясь платком, Елена Сергеевна рассказывала нам, что детей они с Катюшей уже уложили, а ее муж собрался тотчас организовывать переезд, потому что не понимал, как можно спать в доме, где только что убили человека. И как она его отговаривала, объясняя, что им некуда деваться на ночь глядя. Тогда Жоржик сказал, что ему все равно здесь ужасно не по себе, собрался и уехал в клуб. Очень мудрое и своевременное решение главы семейства, ничего не скажешь.

Отослав горничную, мы проговорили с Еленой Сергеевной не меньше часа, покуда я не уверилась, что капли действуют, тогда я пожелала ей доброй ночи и ушла.

А проходя мимо детской, подумала в очередной раз, что Елена Сергеевна идеализирует своих детей и ничего о них не знает. Спят они, как же! Из-под двери то и дело вспыхи-

вали отблески свечи и доносились голоса. Я, желая застать их врасплох, резко отворила дверь. Правда, увидела совсем не то, на что рассчитывала.

Мари устроилась на ковре и перебирала пальцами волосы Никки, положившего голову ей на колени. Напротив, по обе стороны от догорающей свечки, сидели по-турецки Конни и Митрофанушка: сестра читала им что-то, а те с большим интересом слушали.

На лице Мари не было сейчас ни хитрости, ни упрямства – когда я распахнула дверь, она мне показалась даже немного уязвленной. С чего бы?

Я насторожилась. И вмиг заинтересовалась книжицей, что она читала братьям. Дело в том, что в библиотеке, на столе Георгия Павловича – о, мое проклятое любопытство – нынче утром я наткнулась на карманного формата брошюрку с текстом на языке какого-то восточного народа. Впрочем, текста как раз там было немного, все больше иллюстрации... Очнувшись, я захлопнула ту брошюрку и, совершенно пунцовая, выбежала тогда из библиотеки. А себе поклялась, что пальцем больше не прикоснусь к вещам Полесова.

Так вот, зная нрав Мари и ее любовь к восточным языкам, ничуть не удивлюсь, что именно этой литературой она решила поделиться с братьями.

– Что вы читаете? – спросила я тогда строго.

– Жюль Верн, «Пятнадцатилетний капитан»... – опять смутилась Мари.

– С каких пор, Мари, вы читаете на французском? – еще больше насторожилась я.

И, теперь уже уверенная, что меня водят за нос, подошла и развернула книгу обложкой к себе. Теперь уже смутилась я – это действительно оказался Жюль Верн.

– Денис Ионович подарил книжку в русском переводе, – холодно пояснила моя воспитанница. – Заставите нас за это зубрить немецкую грамматику?

Она уже совладала с собой и вернула обычный яд в голос и ледяное презрение во взгляд. Мальчики тоже смотрели на меня как стая волчат – настороженно и исподлобья. Будто я и впрямь была злющей гувернанткой, которых так любит описывать сказочник Андерсен.

А я жалела теперь, что вообще вошла в эту комнату, и гадала, как уйти, не потеряв лица. Правильная и строгая гувернантка должна бы отобрать свечу, книгу и велеть детям немедленно ложиться спать, поскольку шел уже третий час ночи, а у нас занятия с восьми. Добрая же нянюшка вроде той, которая вырастила Пушкина, лаской уговорила бы их лечь в кровати, а потом читала бы сама, пока они не уснут.

Мне же первый вариант казался в корне неправильным, учитывая обстоятельства. В доме только что убили человека: Конни и Никки вряд ли что-то поняли, но наверняка ужасно перепугались и просто не могут уснуть. Но и Ариной Родионовной мне, разумеется, не быть. Вот так запросто поцеловать детей в лоб, уложить их в кровати и читать им Жюля

Верна? После подброшенных мне на подушку жаб и колючих щеток? Нет уж, увольте. Для этого есть Катя.

Кроме того, у меня было полно дел, которые откладывать я просто не имела права. Поэтому я выбрала третий вариант.

– Зрение испортите, – сказала я, зажигая еще свечей, чтобы в детской стало хотя бы светлее. – И не забывайте все же, господа, что завтра вам вставать к восьми.

После чего я плотно закрыла дверь и направилась по своим делам. Однако заглянула перед тем к Катюше и попросила ее разбудить завтра детей не в восемь, а в девять.

Глава восьмая

Убедившись, что квартира окончательно погрузилась в тишину, что никто не выйдет внезапно в коридор и не застанет меня, я взяла масляный светильник и направилась в комнату, где убили Балдинского. Определенной цели у меня не было – я только знала, что нельзя оставлять без внимания место происшествия, потому как завтра мне нужно будет письменно объясняться перед Платоном Алексеевичем. И показать ему, что у меня есть хоть какие-то зацепки. Потому как Балдинского я по-прежнему считала главнейшим кандидатом на роль Сорокина – его убийство убедило меня в этом еще больше.

В комнате, на полу из дубового паркета, рядом с отодвинутым креслом, был обведен мелом силуэт убитого Балдинского, некогда лежавшего там. Внутри этого силуэта было разлито несколько ужасающих лужиц крови: большая, в самом центре, – судя по всему, это было последствие выстрела в сердце; и несколько меньшая, с прилипшими волосами и кусочками раздробленной кости, – рядом с головой. Убийца стрелял так, чтобы не дать Балдинскому даже шанса выжить.

Собственно, это было все, что напоминало сейчас о трагедии в комнате. Ну, еще, правда, перья, что ковром укрывали пол и взлетали в воздух при малейшем моем шевелении. Но

вот саму подушку, сквозь которую стреляли, я сперва даже не увидела – она аккуратно лежала в углу дивана, на своем законном месте. Интересно, это Якимов с Курбатовым ее туда положили? Или полицейские? Или же сам убийца? Если последний, то хладнокровия ему определенно не занимать.

Прочая же мебель стояла в четком порядке, установленном горничной Анной, – стулья, кресла, столики и даже вазы, норовившие обычно упасть при каждом неловком к ним прикосновении. Значит, ничего похожего на борьбу в этой комнате не происходило: Балдинский вошел сюда вместе с убийцей вполне добровольно, сидел, по-видимому, в единственном отодвинутом кресле и вскочил на ноги лишь в тот момент, когда убийца достал оружие.

Значит, Балдинский хорошо знал своего убийцу – по крайней мере, их точно что-то объединяло. Однако не могу сказать, что Балдинский ему доверял: Аннушка пару часов назад, в кухне, поведала всем, что слышала, как полицейские переговаривались, что у Балдинского в заднем кармане брюк нашли револьвер, полностью заряженный. Кто ходит на бал с револьвером? Получается, Балдинский опасался за свою жизнь, идя на этот бал, и, очевидно, опасался именно своего убийцы. Хотя стреляли в него не из этого револьвера – его барабан, как я уже сказала, был заряжен полностью.

Так что убийца стрелял из собственного заранее приготовленного оружия. Но куда он мог деть его после?

Подоткнув подол юбки и ступая крайне осторожно, чтобы

не задеть ни крови, ни перьев на полу, я прошла через всю комнату к окну – щеколда была плотно задвинута. Сквозь стекло я взглянула наружу, на газон, где поздний мартовский снег был полностью истоптан, а кое-где и счищен полицейскими: разумеется, они обыскали весь участок под окном. И ничего не нашли.

Нет, убийца не стал бы так рисковать: окно выходило на оживленную улицу, где даже сейчас, в три часа ночи, брел какой-то припозднившийся господин. Убийца не выбрасывал револьвер в окно. И на месте, рядом с трупом, он оружие не оставил по каким-то причинам. Но и с собой он его унести не мог – всех мужчин полицейские обыскали. А вот саму квартиру обыскивали не очень-то тщательно... Что, если он спрятал револьвер где-то в доме, до лучших времен?

Цепляясь за эту мысль, я так же аккуратно вернулась к двери, вышла наружу и начала размышлять, где я, будь, допустим, убийцей, оставила бы револьвер? О том, что стрелявшим была вообще женщина, которых полицейские обыскивать не решились, я старалась сейчас не думать.

Я заглядывала, освещая путь светильником, во все вазы, стоящие в коридоре, наклонялась, чтобы посмотреть под креслами и столами, покуда не пришла к мысли, что все это уже проделали полицейские. Убийца действовал хитрее. Ведь практически сразу после выстрела гости столпились в коридоре, спрятать здесь что-то было бы трудно.

Спальные комнаты должны быть заперты, так что едва ли

убийца мог подкинуть оружие кому-то.

Библиотека... словом, она тоже была занята.

В танцевальной зале оставались музыканты, которым не полагалось прекращать играть. В столовой могли быть нанятые официанты, которые постоянно подносили блюда. А вот в гостиной...

Я поспешила войти в полутемный зал гостиной – здесь весь вечер сидели только несколько нетанцующих заядлых картежников, да и те, скорее всего, вышли в коридор узнать, что за шум. Здесь вполне можно было что-то спрятать, улучив момент.

Я обошла со светильником все шкафы и серванты.

Поискала меж диванными подушками. В фарфоровых вазах с цветами. За портьерами.

Нашла дамский чулок и зацепившуюся за него запонку, давно потерянную Полесовым, а потом... нашла все-таки и револьвер.

Его положили под крышку фортепиано в гостиной, на узкую полочку подле струн. Очень маленький – поместился бы и на моей ладони, с коротким стволом и рукояткой, похожей на клюв попугая. Я очень жалела сейчас, что совсем не разбираюсь в оружии: ничего не смыслила в марках и даже взять его в руки робела. Но все же пересилила себя, дотянулась и вынула из фортепиано. Тщательно осмотрела, запоминая каждую деталь, чтобы позже суметь описать эту модель и узнать название. И изо всех сил пыталась запомнить пять

цифр, оттисненных у рукоятки, – наверняка каждый номер у револьверов уникальный и по нему можно хотя бы вычислить, где оружие было произведено и в каком году. А может, даже узнать, кому оно было выдано. Едва ли убийца пользовался табельным оружием, учитывая, что купить любой револьвер совершенно нетрудно, но – вдруг?

Запомнив номер, я решила, что лучше положить револьвер обратно, чем забирать с собою, и едва опустила крышку фортепиано, как услышала шаги в коридоре. Должно быть, действовала я слишком громко. Тотчас я бросилась к двери, но в гостиную уже вошел Жорж Полесов в пальто и шляпе – видимо, только что вернулся из своего клуба.

– Это вы, Лида? – изумился он, увидев меня в кромешной тьме со светильником в руке, растрепанную и с подоткнутой юбкой, неприлично оголяющей ноги до самых колен.

– Я услышала какой-то шум в гостиной и решила проверить... – солгала я, спешно оправляя юбку. – После случившегося я теперь от каждого шороха вздрагиваю. Простите мне мой вид...

– Да что уж там... после случившегося у нас у всех вид не лучший, – Жоржик и впрямь выглядел несчастным. – Я тоже места себе не нахожу, вот даже в клуб поехал в надежде хоть немного расслабиться – только не помогло. Знали бы вы, Лидочка, как мне сейчас нужно простое человеческое участие. А уж коли мне, взрослому мужчине, так тяжело, могу только представлять, как страшно вам, такой хрупкой, беззащитной

и нежной... – Ладонь Полесова тяжело легла на мое плечо. – Нам всем сейчас нужно объединиться, я просто не имею права оставить вас одну. Ведь убийца может вернуться в любой момент, зайчонок мой...

Я брезгливо покосилась на его ладонь на моем плече.

– Благодарю за заботу, Георгий Павлович. И все же не волнуйтесь: у меня подле кровати, знаете ли, теперь всегда стоит бронзовый подсвечник. Очень тяжелый.

Жоржик отшатнулся и отчего-то потер затылок. Заметил плаксиво:

– Ох, Лидочка, я же от чистого сердца помощь предлагаю, а вы меня подсвечником... пугаете. Нехорошо, право, с вашей стороны.

Глава девятая

Наутро дети были сонные и квелые, несмотря на то что Катюша разбудила их даже в половине десятого. Елена Сергеевна всячески настаивала, чтобы занятия сегодня отменили совсем – в связи с печальными событиями. Но я не позволила и думать о том.

Хотя сама с трудом могла сосредоточиться на уроках. Чуть свет я уже съездила к Марго, отправив Платону Алексеевичу сообщение с подробным описанием ситуации с Балдинским.

– Ты думаешь, дорогуша, что Сорокин скрывался под именем Балдинского? – уточнила Марго и сделала вывод, который мне раньше в голову не приходил: – Если теперь он мертв, то и Полесовы нам более не нужны. Верно, Шувалов скоро отзовет тебя в Петербург.

Меня же эта перспектива почему-то не радовала. Я не виновата в смерти Балдинского – это случайность, которую нельзя было предугадать. Однако я не могла отделаться от мысли, что провалила задание.

– Нужно найти убийцу Балдинского, – ответила я упрямо, – я очень удивлюсь, если окажется, что это убийство никак не связано с нашим делом. И думаю, что Полесовы нам еще нужны.

– Ну, это не тебе решать, дорогуша моя, – хмыкнула Марго. Она уже, не теряя времени, зашифровала мое сообщение, пообещав, что Платон Алексеевич получит его через несколько часов.

Я же попрощалась с ней и поспешила вернуться на Пре-чистенку.

Первым делом, войдя в квартиру, я прошла в гостиную и заглянула под крышку фортепиано – револьвер еще лежал там. Вообще, и то, что убийца решил припрятать оружие в доме, и то, что стрелял через подушку, дабы заглушить выстрел, и его холодная расчетливость при убийстве – все говорило о том, что я столкнулась с профессионалом. Хотя само убийство едва ли тщательно планировали. Не думаю, что убийца шел на этот бал с намерением застрелить Балдинского.

Однако знание мое, где лежит револьвер, – очень большая удача. Убийца наверняка вернется за ним, главное теперь – не упустить этот момент. И разумеется, мне следует стать еще более осторожной, нельзя себя чем-то выдать.

Конечно, я думала в то утро и об Ильицком. До сих пор мне не верилось, что вчера он вот так просто появился в моей жизни. Снова. И мало того – сделал мне предложение. А я ему отказала. При воспоминании о том я не выдержала и улыбнулась, а Мари, которая именно сейчас рассказывала урок, нахмурилась. Верно, подумала, что я над ней смеюсь.

Впрочем, улыбка эта продержалась на моих губах недол-

го: чем дольше я думала, тем более странным мне казалось появление Ильицкого на вчерашнем балу. Платон Алексеевич любит повторять, что давно уже не верит в совпадения, и я, признаться, склонна с ним согласиться... Но ежели допустить, что Евгений солгал о случайности нашей встречи, то сам собою напрашивается вопрос: зачем? Неужто придется и искренность его поцелуев ставить под сомнение? И его предложение – такое внезапное – тоже? Думать об этом было невыносимо...

А более всего меня смущала дружба Ильицкого с этим Якимовым, профессором математики и приятелем Сорокина. В сегодняшнем сообщении я попросила Платона Алексеевича выяснить биографию Якимова и всем сердцем надеялась, что он примерный семьянин, всю жизнь проживший тихо, мирно и, главное, на виду.

* * *

Надо сказать, что сегодня была среда, а по средам Полесовы всегда ездят обедать к Курбатовым. Сегодняшний день не стал исключением.

Граф Курбатов имел белокаменный дом на Арбате. Точнее, целую усадьбу городского типа с главным домом аж из трех этажей, двумя пристройками, стоящими к нему по-

лукругом, собственной конюшней и огромной оранжереей. Пристройки, впрочем, почти полностью были отданы под хозяйственные нужды, а в доме большинство комнат всегда пустовало, поскольку жили здесь только Афанасий Никитич, Алекс и очень небольшой для такого дома штат слуг. Алекс, ведя бурную жизнь, в доме появлялся разве что для сна, а сам граф жил весьма уединенно и скромно.

Граф Курбатов охотно наносил визиты, когда его приглашали, сам раз или два в месяц давал званые обеды, но большую часть времени, насколько я знала, находился именно в доме. В одиночестве. Редко кто гостил у него, возможно, оттого, что молодость и зрелость провел он за границей и все время сетовал, что его друзья остались в Лондоне, а не в Москве. Кроме разве что Полесовых, которых, как я уже сказала, он принимал каждую среду.

Потому, войдя вслед за Жоржем и Еленой Сергеевной в гостиную, я немало удивилась, заметив в кресле у камина господина Якимова, профессора математики. Новая волна подозрительности захлестнула меня: Курбатов мало с кем сдружился в Москве за столько лет, однако петербургского профессора принимает в доме на следующий день после знакомства?

– Представьте себе только, – радостно, но отчего-то в волнении потирая руки, говорил граф, – мы со Львом Кирилловичем были шапочно знакомы в Лондоне, где он останавливался, прежде чем поехать читать лекции в Кембридж, это

было, если мне не изменяет память... – он вопросительно посмотрел на Якимова, – в тысяча восемьсот семьдесят втором?

– В семьдесят первом, в феврале, – поправил его Якимов с галантным поклоном.

Это был высокий и подтянутый мужчина, выглядящий, самое большее, лет на пятьдесят, хотя я знала, что он лишь несколькими годами моложе Курбатова, то есть ему чуть меньше шестидесяти.

Увидев нас, вошедших в гостиную, Якимов с легкостью, которой позавидовали бы и люди много моложе, поднялся из кресла, ловким движением оправил скругленные по самой последней моде полы сюртука, какой даже Алекс начал носить всего две недели назад, и пружинистой походкой приблизился, поцеловав сперва руку Елены Сергеевны, после Мари, а потом и мою.

– Je suis enchantée de faire votre connaissance, mademoiselle!⁷ – бархатным баритоном сказал он и ненадолго заглянул мне в глаза. Что-то в них мелькнуло такое, отчего я подумала: ежели он действительно профессор математики, то я королева Виктория.

Доводилось мне видеть профессоров разных мастей: самыми скучными и самыми неприспособленными для света были из них именно математики.

⁷ Очень рад с вами познакомиться, мадемуазель! (*фр.*)

– Mutuellement, monsieur⁸, – скупно улыбноулась в ответ я.

А потом сразу отвлеклась, потому что от портъеры в глубине гостиной вдруг отошел Ильицкий, которого я прежде не заметила. Из-под сведенных бровей он, не мигая, смотрел на меня – мне даже сделалось не по себе. Впрочем, взгляд его тут же изменился на само радушие пополам с иронией. А Афанасий Никитич поспешил представить и его:

– Ильицкий Евгений Иванович, герой войны на Балканах, кавалер ордена Святого Георгия, а ныне коллега Льва Кирилловича: состоит в штате военной кафедры Николаевской академии Генерального штаба и готовит офицеров непосредственно к военному делу, так сказать...

Меня немного задело, что Курбатов забыл упомянуть, что Ильицкому пожаловали золотое оружие «За храбрость», – на мой взгляд, это не тот факт, которым следует пренебрегать. Но гораздо более меня заинтересовало, что Евгений Иванович, оказывается, преподает. Помнится, прошлой весной он об этом и не помышлял, потому как даже в академии не доучился, а видел себя исключительно на поле боя.

Интересно, что заставило его перемениться в мыслях?

– Должно быть, вы, Евгений Иванович, и сами академию Генштаба окончили? – негромко, обращаясь лишь к нему, спросила я.

– Представьте себе, окончил, Лидия Гавриловна, – целуя мне руку, он провел пальцем по моему запястью, отчего по

⁸ Взаимно, месье (*фр.*).

коже тут же пошли мурашки. – Экстерном окончил, если вам любопытно.

– Вот как? Похвально... – отозвалась я с тем же ядом. – Насколько я знаю, чтобы окончить экстерном такое заведение, как академия Генштаба, нужно быть прямо-таки семи пядей во лбу.

«...Или чтобы кому-то высокопоставленному очень нужно было, чтобы ты ее поскорее окончил», – добавила я про себя.

Ильицкий же ответил:

– Не менее похвально, чем употребление фразы «семь пядей во лбу» для француженки.

– Француженки? – из дальнего угла гостиной вытянул шею Жоржик, которого Алекс угощал кубинскими сигаретами. – Где француженки?!

– Все француженки остались во Франции, mon cher⁹, – ответила ему Елена Сергеевна со смехом, кажется, она и сама не поняла, как только что меня выручила, сменив тему.

Я же, проходя в комнату, бросила на Ильицкого единственный взгляд, которым умоляла не выдавать нашего знакомства и тем более моего французского происхождения.

Не знаю, понял ли меня Евгений и насторожился ли этим, потому что ему самому пришлось тотчас отвлечься: Елена Сергеевна, небрежно взяв его под руку, увлекла за собой.

– У нашей Лидочки такой великолепный французский вы-

⁹ Мой дорогой (*фр.*).

говор, – продолжила она нежелательную для меня тему, – такой правильный, что я и сама иной раз теряюсь. Вот что значит получить достойное образование. Но, даст Бог, Лидия Гавриловна хоть чему-то научит нашу глупышку Мари... кстати, где Мари?

А Мари пыталась раскурить сигару, вполне одобряемая папенькой и Алексом.

– Мари! – вскричала Елена Сергеевна.

– Ну и как – удастся Лидии Гавриловне воспитание? – поинтересовался Ильицкий у Полесовой.

Вопрос, впрочем, был риторическим.

– Маман, ну что вы, право слово... – девица небрежно держала в пальчиках сигару, будто делала это уже тысячу раз, – всем давно известно, что современная женщина должна быть несколько *émancipée*¹⁰. И, разумеется, должна курить. В свете все дамы курят. Правда ведь, Алекс?

Тот подносил ей спичку и ничуть не был смущен.

– На этот раз Мари права, Елена Сергеевна, – снисходительно улыбнулся он. – Не вижу в курении ничего дурного.

– Но не сигары, *ma chère!* – В глазах у Полесовой уже стояли слезы. – И не в шестнадцать лет. Лидия Гавриловна, скажите что-нибудь!

Я хоть и была несколько шокирована, но успела прийти в себя и как ни в чем не бывало теперь поправляла у зеркала прическу, примятую шляпкой.

¹⁰ Эмансипированная (*фр.*).

– В самом деле, Елена Сергеевна, ну что вы разволновались? – ответила я. – Ежели мадемуазель Полесова так уверена, что непременно попадет в свет, то, разумеется, ей следует начать курить сигары. Курите, Мари, ну же...

Все взгляды теперь были обращены на маленькую паразитку, а та стояла с дымившейся уже сигарой и смотрела на меня исподлобья.

Подобная лояльность вовсе не была в моем духе, но сегодня читать ей мораль мне совершенно не хотелось. Тем более было совершенно очевидно, что маленькая паразитка не столько желала и впрямь закурить, сколько в очередной раз пыталась шокировать публику. Может, она ждала, что я велю ей немедленно оставить это занятие, накажу, и тогда она с чистой совестью смогла бы ненавидеть меня дальше?

Не получив же наказания, Мари ничего не оставалось делать, как поднести во всеобщей тишине сигару ко рту и втянуть в себя дым. Клянусь, в это мгновение в глазах ее было неподдельное страдание. И уверенность ее тотчас кончилась: набрав полный рот дыма, девица понятия не имела, что делать с ним дальше, и только сдавленно икнула, глядя на всех очень несчастным взглядом. Потом дым повалил у нее из носа и даже, кажется, из ушей – Мари, забыв о своей *éтансирé*, закрыла ладошкой рот и надсадно закашлялась.

– Деточка, маленькая моя, что же ты!.. – первой бросилась к ней Елена Сергеевна, а следом и остальные.

Я невозмутимо продолжила поправлять прическу.

Глава десятая

Мальчики вскоре выпросили разрешение пойти на конюшню: своего выезда Полесовы не имели, так что, появляясь у Курбатовых, первым делом они мчались к лошадям. Взрослые же коротали время до обеда за карточным столом, но я играть отказалась, присаживаясь в кресло у камина, где Алекс Курбатов с наслаждением докуривал сигару, а в кои-то веки притихшая Мари переживала свой недавний позор.

Впрочем, едва я присела, Мари напустила на себя неприступный вид и сказала:

– Алекс, я решила, что тоже хочу посмотреть на лошадей, вы проводите меня?

– О, с удовольствием! – он тотчас затушил сигару в пепельнице и собрался уйти – я едва успела его задержать.

– Алекс, как же – вы разве забыли, что обещали мне помочь в одном деле?

– В каком?! – одновременно изумились Мари и графский внук. Только если в голосе Мари звучало недоверие пополам с недовольством, то Алекс просто был удивлен.

– По поводу Сержа...

Дело в том, что у Сержа Полесова – Митрофанушки – в будущем месяце именины: его маменька, которая имела обыкновение изливать на меня весь поток своих мыслей и

переживаний, сказала как-то, что понятия не имеет, что подарить сыну. Книжек он не читает, а от игрушечных солдатиков в детской уже полки ломаются. И я обронила тогда, что можно посоветоваться с Алексом Курбатовым – он точно подскажет что-нибудь дельное. И я даже задала ему сей вопрос около недели назад, а он обещал подумать позже, после чего оба мы о подарке благополучно забыли.

– Ах, по поводу Сержа и его именин... – вспомнил он сейчас без особенного воодушевления.

– До его именин еще почти месяц, – раздраженно сказала Мари, – вы можете поговорить в другой раз. Так пойдемте, Алекс?

Она упрямо тянула графского внука за рукав, и тот действительно нерешительно поднялся. Однако поймал мой взгляд – просящий, с намеком на укор – и сдался, усаживаясь назад:

– Простите, Мари, я действительно обещал.

Мне на миг показалось, будто идти смотреть лошадей с этой несносной девчонкой ему и впрямь более по душе, чем беседовать со мной.

– Что может быть интересно мальчишке в тринадцать лет? ... – Алекс шумно вздохнул и обвел глазами гостиную в поисках ответа. – Подарите ему солдатика, допустим. Серж их любит.

Он, разумеется, хотел покончить с темой поскорее – я же делала вид, что этого не замечаю.

– У него полно солдатиков, – покачала я головой сокрушенно и задумчиво.

– Ну... не знаю, подарите тогда лошадь.

– Живую? И где ее держать – на балконе? – я улыбнулась, и Алекс усмехнулся в ответ.

– Подарите ему крысу, мадемуазель Тальянова. Серж придумает, что с ней сделать, уверяю, – предложила Мари.

Она уже как будто передумала смотреть лошадей и теперь испепеляла меня взглядом, встав за спиной Алекса. По поводу крысы – она явно намекала на тот случай, когда я открыла свой ридикюль, буквально на две минуты оставленный в классной комнате, и обнаружила в нем откормленную белую мышь, с диким писком выскочившую мне на юбку.

Но мы с Алексом, как взрослые люди, предпочли сделать вид, что не заметили ее намеков.

– Подарите тогда пистолет какой-нибудь. Игрушечный.

– Пистолетов у Сержа тоже достаточно, – вздохнула я еще печальней. Но, чуть помедлив, подняла заинтересованный взгляд на Алекса: – Хотя... что, если подарить не совсем игрушечный, а, скажем, модельный?! Чтобы точь-в-точь как настоящий! Только не стрелял бы, разумеется. Я видела такие модели в одной лавочке на Петровке. Ах, Алекс, вы мне так помогли – я выразить не могу, как благодарна вам!

– Лучше бы вы подарили пистолет, который стреляет по-настоящему, – заметила Мари, зевая громко и совершенно неприлично.

Кажется, отвратительное поведение моей воспитанницы утомило сейчас даже ее лучшего друга.

– Мари, мне кажется, ваши шутки совершенно неуместны, – с раздражением заметил Алекс, – особенно в свете того, что случилось вчера...

К слову, темы убийства Балдинского все, словно нарочно, избегали: Елена Сергеевна была сегодня в темно-фиолетовом платье, будто траурном, говорили и смеялись за картами заметно меньше, чем обычно, но о трагедии никто не решался заговорить вслух. С Балдинским и Полесовы, и Курбатовы познакомились лишь неделю назад, знали его очень плохо и, наверное, считали нелепым недоразумением, что его убили именно в доме Полесовых.

Что касается Мари, то даже замечание Алекса ее не устыдило в этот раз. Она лишь прищурилась, став даже уверенней, обошла диван и села рядом с Курбатовым, будто разговор стал вдруг ей интересен.

– А я вовсе не шутила, – ответила она важно, – как раз в свете вчерашнего нам нужен самый настоящий пистолет. А еще лучше револьвер¹¹. На всякий случай, – добавила она веско.

– Мари!.. – ужаснулась я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более утомленно. – Что вы говорите такое? Вы же

¹¹ В описываемое время револьверы считались более надежным оружием, так как были многозарядными в отличие от пистолетов, которые требовалось перезаряжать после каждого выстрела.

девушка. Благовоспитанная юная барышня. Какие револьверы?...

Упоминание «благовоспитанной барышни» было для Мари, что красная тряпка для быка, – я не сомневалась, что те му револьверов она продолжит теперь хотя бы из вредности.

– Боюсь, по-настоящему благовоспитанной мне все равно никогда не стать, так что не буду даже и пытаться, – ядовито отозвалась несносная девица. – А револьверы – это, по-моему, очень интересно. Верно, Алекс?

– Верно, – рассмеялся тот, – только Лидия Гавриловна права: вы, Мари, во-первых, слишком малы для этого, а во-вторых... вы девушка.

Нужно было видеть, какой спектр чувств отразился в этот момент в глазах моей воспитанницы. Не удивлюсь, ежели месье Курбатов тоже скоро станет находить мышей в своих карманах.

– Позвольте, Алекс! – она горделиво вскинула голову. – Но мы живем в такой век, когда и девушке нужно уметь за себя постоять. Я намерена и впредь интересоваться оружием. С вашей помощью или без!

– Ну, тогда, конечно, лучше с моей помощью, – улыбнулся Курбатов, впечатленный, кажется, ее экспрессией. – И как вы намерены интересоваться оружием?

Мари смутилась и задумалась:

– Для начала расскажите, какой бы револьвер больше всего подошел для меня. Вот у вас наверняка же есть револьвер?

– Есть, конечно. Если хотите, я вам даже покажу – он лежит в моей комнате.

– Хочу! – Мари порывисто вскочила на ноги.

– Мадемуазель Полесова, предлагаю пока обойтись теорией, – все так же утомленно произнесла я.

– Согласен, Лидия Гавриловна, теория не менее важна, чем практика, – вкрадчиво кивнул Алекс.

Но все-таки он уже подозвал лакея и велел принести свои револьверы.

– Что же вам рассказать?... Самая популярная в России марка – это, конечно, «Смит и Вессон», – начал Алекс с большим воодушевлением – видно было, что тема оружия ему близка и крайне интересна. – Сама марка американская, но Россия постоянный покупатель этих револьверов, они даже состоят на вооружении в русской армии, потому что... – он скептически ухмыльнулся, – едва ли у нас когда-то научатся делать приличное оружие. Так вот, калибр у него...

– Простите, Алекс, – прервала я, – калибр – это?...

– Диаметр пули, мадемуазель Тальянова, – высокомерно ответила Мари.

– Диаметр канала ствола, ежели точнее, – веско поправил Алекс, – так вот, калибр у него четыре и две десятых линии¹², шестизарядный барабан, а длина ствола шесть и шесть десятых дюйма¹³. С двадцати пяти шагов запросто может про-

¹² 10,67 мм.

¹³ 167,64 мм.

бить несколько толстых досок. Отличное оружие! Американцы молодцы, что и говорить!..

Алекс попытался перевести дыхание, хотя глаза его все еще возбужденно блестели – он с удовольствием продолжил бы тему. Я же раздумывала над тем, что смит-вессон, насколько бы он ни был хорош, явно не то оружие, что спрятано убийцей в гостиной Полесовых, – у того ствол явно короче шести дюймов.

– Шесть дюймов... – повторила я задумчиво, – но это слишком большой револьвер, явно не для женских рук.

– Согласен, – кивнул Алекс, – дамам намного удобнее было бы управляться с чем-нибудь более миниатюрным. Есть множество женских моделей – у них невысокая цена, длина ствола, как правило, не больше двух-трех дюймов, но и боевая мощь, как понимаете, никакая.

– Но ведь для самообороны дамский револьвер вполне подойдет? – спросила я.

– Кроме самообороны он вовсе ни на что не годен. Дедушка рассказывал, что в Лондоне подобные револьверы используют велосипедисты – чтобы уличных собак отгонять, – Алекс усмехнулся, а вслед за ним рассмеялась Мари, – вот это и есть их истинное предназначение. Эти револьверы даже в разные игривые цвета окрашивают – синий, красный.

Все же револьвер, который я нашла в фортепиано, не слишком похож на игрушку для отпугивания собак. Хотя все может быть...

– Ну а что-то среднее наверняка ведь есть? – Мари, похоже, заинтересовалась всерьез, и вопросы ее были очень правильными. – Чтобы и не слишком большой, и в то же время мощный.

– В принципе есть... «Бульдог» – очень неплохой вариант, кстати. Маленький, но назвать его дамским я бы не решился. Барабан на пять-шесть патронов, длина ствола четыре дюйма¹⁴, но бывает и меньше. Для стрельбы на дальние расстояния, конечно, не годится, потому как меткость оставляет желать лучшего, зато калибр для такой малышки просто отличный – полдюйма почти¹⁵. Хороший боевой револьвер. Английский. Если захотите приобрести, Мари, я рад буду помочь...

– Даже и не думайте, Мари, – быстро сказала я, – это не игрушка.

– Так я и не для игр его покупаю!

За карточным столом, что находился в другом углу просторной гостиной, давно уже висела тишина – все картежники заслушались ликбезом Алекса. Но после слов Мари о покупке револьвера ее матушка наконец сочла нужным вмешаться:

– Мари, боже мой, о чем ты говоришь! Ты еще совсем мала, деточка.

Деточка надулась, но настаивать более не посмела.

¹⁴ 101,6 мм.

¹⁵ 11 мм.

Я же в повисшей тишине размышляла, что револьвер, из которого убили Балдинского, вполне мог быть этим самым «бульдогом». Кроме того, и марка британская...

Вскоре в гостиную вернулся лакей, которого Алекс послал за револьвером. Важно и чинно он подал Курбатову деревянный ларец, лакированный и вычурно украшенный золотом. И откинул крышку. Мари почти благоговейно приняла из рук Алекса оружие – начищенный до зеркального блеска револьвер с рукояткой из слоновой кости и искусной резьбой. По всему видно, что револьвер был тяжелым, однако моя воспитанница держала его в руке на удивление уверенно и ловко.

– Тот самый смит-вессон? – спросила я, наблюдая, как от блестящего металла отражается восхищенный взгляд Мари.

– Нет... – ответил Алекс, – это кольт образца 1873 года, тоже американский револьвер. Смит-вессон, на мой взгляд, все же простоват в эстетическом плане...

– Ой! – сказала в этот момент Мари. – Алекс, только не говорите, что я что-то сломала...

Она, морщась, отряхивала руку от грязно-серого порошка, что высыпался ей на ладонь из барабана.

– Кольт невозможно сломать, – рассмеялся Алекс, забирая оружие, – это всего лишь порох из патронов просыпался – бывает.

– Фу! – Мари, все еще морщась, оттирала салфеткой ладони. – Вы могли бы и предупредить.

Я же, глядя на этот порох, рассыпанный по всей коробке, размышляла о другом:

– Алекс, а ведь, наверное, при выстреле пороха еще больше, и он оседает на рукавах, на одежде стрелявшего – да? – спросила я едва слышно.

– Еще как оседает! – громко хохотнул он. – Оружие вообще, знаете ли, создано не для белоручек.

– Я не белоручка! – обиделась Мари.

– Разумеется, нет, – продолжал забавляться графский внук, – но если вздумаете стрелять, то запаситесь перчатками.

– Мари, даже и не думай ни о какой стрельбе! – неожиданно резко сказала ее матушка из-за карточного стола.

– Знаете, Елена Сергеевна, – обернулся вдруг к ней Алекс, – напрасно вы так переживаете из-за интереса Мари к оружию. В этом нет ничего предосудительного, уверяю вас... я вполне могу вам это доказать. Скажем, в эту субботу мы все могли бы выехать куда-нибудь за город, и я с удовольствием показал бы, как именно стреляет оружие. А Мари могла бы попрактиковаться.

Моя воспитанница при этих словах даже ахнула – верно, она и надеяться не могла, что ей позволят упражняться с оружием.

– Маменька, пожалуйста, разрешите! – взмолилась она так, как нормальные девицы ее возраста просят матушек купить им новую шляпку. – Пожалуйста-пожалуйста-пожалуй-

ста!

– Право, я не знаю... – растерялась та под молящими взглядами Мари и Алекса. И, как бывало часто, тотчас переложила ответственность на других: – Жорж, что ты на это скажешь?

– Пострелять? – тот недовольно отвлекся от карт. – Да пускай – что такого-то!.. Я бы и сам с удовольствием съездил за город.

Полесов явно напрашивался на приглашение, а граф Курбатов, который всегда был радушным хозяином, не замедлил это приглашение озвучить:

– А что – неплохая мысль. Покуда снег в лесу не сошел, вполне можно было бы съездить к нам в Березовое. Пусть даже и пострелять. В эту субботу – как вам?

Кажется, все было решено, и мнения гувернантки по этому поводу, разумеется, никто не спрашивал. Хотя я все же сочла нужным показать, что мне это не нравится, – вздохнула обреченно и отвернулась к пылающему в камине огню.

Глава одиннадцатая

– Подумать только – сорок убитых и раненых русских против шестисот убитых афганцев! Уверен, бой на Кушке обязательно войдет в анналы истории! – Графу Курбатову очень понравилась эта строчка из заметки в «Московских ведомостях», и он повторял ее при любом удобном случае. Старшее поколение обсуждало за обедом последние вести с афганского фронта.

Меня вместе с детьми усадили на другом конце стола. Ильицкий же сидел наискось от меня, и разговор, как нарочно, крутился вокруг опасной темы – политики. Я не могла не вспоминать сейчас наши с Евгением словесные баталии весною прошлого года в доме Натали Эйвазовой – моей институтской подруги и его кузины.

Но все эти глупые споры в прошлом.

По крайней мере, сейчас я даже не слушала Курбатова, а, ловя время от времени на своем лице взгляд черных глаз, думала лишь о том, будет ли нынче возможность у Ильицкого поцеловать меня.

И Евгений, кажется, не слушал – до последней фразы Курбатова, по крайней мере. Только после нее он перевел свой тяжелый взгляд на графа и, не мигая, долго смотрел на него. Но так ничего и не сказал.

– Это, разумеется, так, Афанасий Никитич, – отозвался профессор Якимов со своей скользкой улыбочкой, – но, боюсь, действия генерала Комарова¹⁶ будут иметь последствия, которые он едва ли мог предвидеть.

– Вы о войне с Британией? – уточнил граф, деловито отрезая кусок бифштекса. Говорил он так, будто война была уже делом решенным. – Да, войны не избежать, но, по моему мнению, русская армия вполне к ней готова.

И снова Ильицкий бросил взгляд на графа.

А Якимов, еле заметно улыбнувшись уголками губ, ответил:

– Вы так считаете? Любопытно, что думают по этому поводу сами военные. Евгений Иванович, не хотите присоединиться к нашей беседе?

– Я уже не военный, Лев Кириллович. Давно, – Ильицкий был непреклонен.

– Полно вам, Евгений Иванович, – снова заговорил Курбатов, – уж вам-то не знать, что военных бывших не бывает, – он рассмеялся. – Так вы согласны, что русская армия готова к войне?

Взгляды присутствующих обратились на Евгения, и тот, отложив нож с вилкой, в конце концов произнес:

– Хорошо, если вам угодно, я отвечу: со стороны

¹⁶ Александр Виссарионович Комаров (1830–1904) – русский генерал, участник Кавказской войны и Туркестанских походов. В 1883 г. был назначен начальником Закаспийской области (Асхабад), и именно он начал военные действия с афганцами на реке Кушке.

англо-афганских войск была явная провокация с целью заставить Комарова начать бой. И Комаров на эту провокацию поддался. Я считаю, что это было роковой ошибкой.

За столом прошел шепоток, и кто-то даже вздохнул пораженно.

– Но позвольте... – прищурившись, продолжил Курбатов, – генерал Комаров не просто поддался на провокацию – ему не оставили выбора. Иначе мы бы потеряли Мерв, жители которого, заметьте, сами год назад изъявили желание принять подданство Российской империи.

– Но оазис Панджшех Мерву не принадлежит, – заговорил Ильицкий уже резче. – Это афганская территория. Генерал Комаров мало того что аннексировал оазис, так еще и унижил англичан, наголову разбив их. Англичане этого так не оставят и не сегодня-завтра объявят России войну. Вы понимаете, что это означает?! К Британии тотчас присоединится Франция, а за ней, разумеется, и Бисмарк подтянется, и Австро-Венгрия. Вы хотите повторения Крымской войны? К этому все идет, уверяю вас. Только сейчас не тысяча восемьсот пятьдесят третий год – вот-вот запатентуют автоматическое оружие, а немецкие ученые уже проводят опыты с оружием массового поражения – химическими соединениями в виде газа, уничтожающего все живое на огромной территории. Начнись сейчас война с Британией – жертв будет без счету. Если бы генерал Комаров был стратегом, а не военным, он понимал бы, что следует пожертвовать хоть Пан-

джшехом, хоть всем Мервом, но не развязывать войну с англичанами.

Видимо, мало кто ожидал, что простая светская беседа о новостях выльется в настоящий спор с высказываниями столь радикальными. Немало была поражена и я, потому что Ильицкий, которого я помнила, был русофилом столь закоренелым, что это переходило границы разумного. Что случилось с ним за этот год?

– Генерал Комаров не мог отдать Мерв хотя бы потому, – рассеянно произнесла я, – что тогда бы мы вскоре потеряли все наши завоевания в Средней Азии – уступи Комаров один раз, и англичане пошли бы дальше. А все это завоевывалось кровью наших солдат и офицеров, как же можно теперь это просто так отдать?

И только договорив, поняла, что гораздо правильнее было бы смолчать. Ильицкий же, бросив на меня короткий взгляд, отозвался почти спокойно:

– Меня весьма радуют ваши патриотические чувства, Лидия Гавриловна, – на слове «патриотические» он все-таки улыбнулся довольно пакостно, – но кроме них неплохо бы руководствоваться и здравым смыслом.

Я совершенно смешалась. Мне и спорить не хотелось, а главное – я все еще с трудом верила, что слышу это от него – от человека, который обычно оправдывал любую несправедливость, совершенную Российской империей.

– А я согласна с месье Ильицким! – звонко и не без пафоса

в голосе оповестила всех в этот момент моя воспитанница. – Вы, Афанасий Никитич, так говорите об этой статье в газете, будто родным этих «сорока убитых и раненых русских» должно стать легче из-за того, что афганцев погибло больше. Войны и репрессии – это не метод решения проблем, генерал Комаров должен был уступить – я так считаю! А квасной патриотизм, что проповедуют некоторые собравшиеся за этим столом, – Мари бросила колючий взгляд в мою сторону, – это действительно неразумно и весьма помещански.

– Мари, деточка, – голос Елены Сергеевны задрожал от волнения, – что ты говоришь такое?! Извинись немедленно перед графом Курбатовым и Лидией Гавриловной!

– Бросьте-бросьте, Еленочка. – Граф вовсе не выглядел обиженным – он улыбался и, слегка кланяясь, отвечал Мари так: – Молодости простительно многое, тем более что в этом доме все имеют право на собственное мнение.

Я же, привыкшая и к более смелым высказываниям моей воспитанницы, тоже не обиделась – мне лишь любопытно было, как Ильицкий отреагирует на тираду Мари и в особенности на слова о квасном патриотизме.

Год назад, я уверена, он бы испепелил Мари взглядом и парой колких фраз довел бы бедняжку до слез безо всяких скидок на юный возраст. А сегодня взглянул на нее, сидящую от него наискось, и лишь негромко заметил:

– Вы, Мария Георгиевна, выразились несколько резковато, но по сути... вы недалеки от истины.

После чего отсалютовал ей бокалом с виски и улыбнулся.

Глава двенадцатая

– Вы читали Маркса?

После обеда Мари не отходила от Ильицкого ни на шаг, пытливо заглядывала ему в глаза и не давала даже шанса поискать другого общества. Теперь же и вовсе она беззастенчиво повисла на его руке и потащила к выходу из гостиной:

– Вы могли бы проводить меня на конюшню, и мы как раз поговорим... У меня есть перевод Лопатина, но, я думаю, он многое переврал, так что я достала через знакомых оригинал «Капитала». Вы хорошо знаете немецкий?

Нужно ли рассказывать, с каким сожалением я смотрела им вслед? Я очень надеялась, что на эту прогулку Ильицкий пойдет со мной.

Хотя не представляла, как это осуществить – я по-прежнему не желала, чтобы в окружении Полесовых знали, что мы с Ильицким были знакомы прежде. Ведь в этом случае непременно выяснится, что познакомились мы в доме его кузины, Натали Эйвазовой, в том самом доме, где весной прошлого года произошли печальные события, о которых много писали в газетах. Была жестоко убита мачеха Натали, а ее убийцу застрелил на глазах у всей семьи брат покойной – Андрей Миллер. Друг Ильицкого и человек, которым я была пусть недолго, но увлечена.

Андрей был осужден трибуналом и сослан в Афганистан, где погиб в ноябре прошлого года.

Если Полесовы вдруг узнают, что все эти события происходили не только на моих глазах, но и при моем непосредственном участии, они запросто могут расхотеть держать гувернантку с таким прошлым.

* * *

Покуда я выдумывала предлог, под которым можно было бы запретить Мари прогуливаться с Ильицким, возле меня оказался Алекс Курбатов.

– Лиди, я бы на вашем месте не оставлял Мари надолго с посторонними – кто знает, может быть, именно сейчас эти двое замышляют мировую революцию.

Ухмыльнувшись собственной шутке, он подставил мне локоть, предлагая тоже пройтись до конюшни, а я тотчас предложением воспользовалась.

Мы держались шагах в тридцати от Мари и Ильицкого – я напрягалась, чтобы расслышать хоть что-то из их разговора, но безрезультатно. Алекс очень мешал. Он с мрачной усмешкой отпускал остроты по поводу Маркса и этих двоих, а мне надлежало, как всегда, подыгрывать и восхищаться его чувством юмора. Шутки Алекса были в этот раз особен-

но злыми: разумеется, он страшно ревновал Мари, которую считал своей собственностью. На моей памяти это и впрямь был первый случай, когда Мари предпочла Алексу кого-то другого во время прогулки.

Я сама многое бы дала, чтобы убедиться – Ильицкий лишь отбывает повинность в обществе Мари. Но несчастным он совсем не выглядел, что, признаться, немного меня задевало. В какой-то момент я просто запретила себе думать о нем, тем более что у меня были дела куда насущнее.

– Алекс, простите, я сегодня никудышный собеседник. Из-за вчерашнего... – вздохнула я, не дав ему пошутить в очередной раз. – Бедный господин Балдинский. Он казался таким милым старичком – ума не приложу, кто и за что мог такое с ним сделать.

– Видимо, не таким уж милым он был, раз ему разможили череп крупнокалиберной пулей.

– Боже мой, Алекс!.. – ужаснулась я вполне искренне.

– Простите великодушно, Лиди, – он как будто и правда спохватился и порывисто поцеловал мою руку в знак извинения. – Я только хотел сказать, что, возможно, покойный Балдинский заслужил эту пулю.

– Ужасные вещи вы говорите... – я смешалась.

И еще подумала, что, будь на моем месте Мари, она бы с удовольствием поддержала Алекса и посмаковала подробности. Но больше в словах Курбатова меня заинтересовало другое:

– Вы что же – точно знаете, что пуля была крупнокалиберной?

– Да, тело Балдинского уже вскрыли. Вскрытие – это когда...

– Не нужно, я знаю, – поторопилась заверить я.

– Так вот, тело вскрыли и нашли две пули – в сердце и в черепе. Пули как от «бульдога», кстати. Это дедушка мне сегодня рассказал – он интересовался в полиции ходом расследования.

– Ах, вот в чем дело...

Значит, граф Курбатов активно интересуется этим расследованием. Праздное любопытство или что-то еще?

– Видимо, они все же были друзьями, – предположила я вслух. – Вы ведь рассказывали, что господин Балдинский даже ночью однажды приехал в ваш дом.

– Да. И, представьте себе, я выяснил, зачем он приезжал, – важно добавил Алекс. – Взять денег в долг у деда. Балдинский проигрался в карты в клубе, что через улицу от особняка.

– И решился потревожить графа, надеясь, что тот даст займы едва знакомому человеку? – недоверчиво уточнила я. – Ночью?

– Именно... – хмыкнул Алекс. – Вы удивитесь, но надежды Балдинского оправдались: дед, добрая душа, выписал ему чек.

Я продолжала смотреть недоверчиво.

– Ну что уж вы, Лиди? Все знают о нраве моего дедушки и беззастенчиво пользуются его щедростью, без конца занимая деньги. Что Полесов, что Стенин. Да и мои расходы, признаться, регулярно превышают содержание, которое выдает мне дедушка, – и он ни разу меня не упрекнул. Святой человек!.. Послушайте, они что – смеются? – он кивком указал на Мари и Ильицкого, с которых все это время не сводил глаз. – Интересно, что смешного они вычитали у Маркса? – Алекс сделался еще мрачнее.

Я же, подумав, согласилась с Алексом – по поводу графа. Господин Курбатов и правда постоянно давал займы Жоржу Полесову и делал вид, что верит, будто долги ему когда-нибудь вернут. Но чтобы так бессовестно явиться в дом ночью и просить денег?...

– Позвольте, но вы рассказывали, что граф после ухода Балдинского остаток ночи провел без сна, в волнении расхаживая по кабинету. С чего бы ему волноваться, ежели дело касается чужого долга?

– Ну а что вы хотите – возраст!.. – небрежно отмахнулся Алекс и вдруг упрекнул: – Лиди, не понимаю, как вы можете оставлять Мари наедине с этим человеком?! – он снова говорил о Мари и Ильицком. – Их дружба – это... ненормально! Он ей в отцы годится!

Я хотела было пылко возразить, что Ильицкому еще и тридцати нет, но – передумала, решив воспользоваться слу-
чаем.

– Согласна с вами! – закивала я, отыскивая в своем тоне нотки возмущения. – Мне тоже не нравится эта дружба. Нам следует немедленно вмешаться: я отвлеку Евгения Ивановича разговором, а вы ведите Мари в дом. Со мною ведь она точно не пойдет, вы же понимаете...

– Лиди, не могу выразить, как я вам признателен!

Он будто моего разрешения только и ждал: в несколько скорых шагов мы догнали парочку впереди. Однако вопреки плану Алекс заговорил первым, на полуслове перебивая Евгения:

– Вижу, вы не скучаете, господа, – он излишне театрально раскланялся с Ильицким. – О чем беседуете, позвольте спросить?

– Мария Георгиевна поделилась со мною некоторыми своими мыслями относительно экономической теории Маркса.

Как ни странно, Ильицкий разговаривал с ним вполне радушно – кажется, впечатления от общения с Мари были у него самые положительные.

– О, надо же, а нам с Лидией Гавриловной почудилось, будто вы обсуждали сборник анекдотов – так отчаянно вы веселились.

– Алекс... – заволновалась Мари, которая лучше меня угадывала язвительность в каждом слове и жесте юного Курбатова.

Но тот ее не слушал.

– Следует мне тоже почитать этого Маркса – хоть посме-

юсь, – продолжал он, расходясь все больше. – А то ведь это я был тем самым «знакомым», это я доставал Мари оригинал на немецком, но, увы, так и не удосужился прочесть.

– Почитайте-почитайте, там действительно много забавного, – Ильицкий, будто не замечая ничего, переглянулся с Мари – и оба они улыбнулись чему-то своему.

А меня происходящее уже немного пугало: Алекс всегда был юношей несдержанным, пылким – одному Богу известно, к чему его очередной порыв мог привести. Он вполне мог предположить, что Ильицкий над ним смеется.

Так и не найдясь что ответить, Алекс перевел взгляд на мою воспитанницу и выпалил едко:

– Вы, Мари, разве передумали уже идти на конюшню? Вы прошли мимо.

– Передумала. Я очень увлеклась беседой с Евгением Ивановичем.

– А вы не предполагаете, что Евгению Ивановичу может быть просто скучно с вами? Он взрослый занятой человек, а вы отнимаете его время!

«Да-да!» – мысленно я согласилась с Алексом. А вот Мари, похоже, такая идея действительно в голову не приходила. Теперь же она растерялась и только беспомощно глядела на Ильицкого. А тот – я уверена, из вежливости – ответил:

– Позвольте, я очень плохо еще знаю Марию Георгиевну, но разве с нею вообще может быть скучно? Мари исключительно интересный собеседник.

Девушка после этих слов, ясное дело, тотчас воодушевилась.

– Да, Алекс, оказывается у нас с Евгением Ивановичем уйма общих тем для разговора, – подхватила она.

– О, разумеется! – окончательно взбесился Алекс. – Евгений Иванович, напомню, преподает в академии Генштаба, а вы, Мари, делаете три ошибки в слове «галерея». Безусловно, у вас уйма общих тем для разговора!

– Алекс! – уже никого не стесняясь, вскричала Мари.

Она покраснела до кончиков ушей, глаза же сверкали такой ненавистью, что мне показалось, сейчас она бросится на бывшего друга с кулаками.

Все это – ненависть Мари к Алексу, а не ко мне – было столь непривычным, что я так и не сумела найти слов, дабы прекратить эту перепалку. Но впервые за три месяца, что я работаю у Полесовых, мне захотелось пожалеть Мари, а не наказать ее... Право, я не думала, что Алекс может быть так жесток.

Однако моя воспитанница, в глазах которой стояли слезы, уже развернулась и резко сорвалась бежать назад, в дом. И Алекс, бросив еще один негодующий взгляд на Ильицкого, развернулся и пошел следом. Я могла лишь надеяться, что они вскоре помирятся.

Наверняка помирятся... После столь долгой дружбы все-таки ссориться из-за какого-то глупого эпизода – это невыносимо.

* * *

Как бы там ни было, мечта моя сбылась. Мы с Ильицким стояли в достаточно уединенном уголке парка, укрытом от окон особняка глухой стеной конюшни и стеклом оранжерей.

– Так ты действительно читал Маркса? – спросила я, чтобы не молчать.

– А ты что же – не читала?

– Не довелось...

– Напрасно. Маркс выдающийся экономист, в первую очередь. Соглашаться с его выводами или нет – личное дело каждого, но ознакомиться с его трудами образованный человек должен, – и он поглядел на меня так, будто действительно упрекал.

– Прости, что не соответствую твоим интеллектуальным запросам, – съязвила я.

– Не расстраивайся, женщине куда важнее быть красивой, чем умной.

Временами я все еще замечала, что не всегда улавливаю тонкости смыслов, вложенных русскими в уже известные мне слова. Вот и сейчас не могла сообразить: это все-таки был комплимент или он просто дал понять, что считает ме-

ня дурой?

По крайней мере, выглядел Евгений снова невообразимо серьезным, от бывшего радушия не осталось и следа. Хмуро глядя себе под ноги, Ильицкий сошел с тропинки и в мрачной задумчивости прислонился спиной к дереву. Я не замедлила – оглянувшись, впрочем, по сторонам – подойти к нему ближе. Так непозволительно близко, что коснулась его плечом. И попыталась поймать Женин взгляд.

Дождавшись наконец, когда он посмотрел мне в глаза, я улыбнулась в надежде согнать с его лица эту мрачность. И почти сразу поняла, что моя улыбка здесь бессильна. А потом Ильицкий спросил:

– К чему ты устроила этот спектакль – с подарком для мальчика? Выяснила хотя бы, что хотела?

И все это было сказано чрезвычайно серьезным тоном, без намека на шутку. Боже, неужто мой маневр был настолько очевиден? Если он все понял, то могли понять и другие. А если в гостиной находился убийца Балдинского?

Однако, собрав остатки воли, я попыталась изобразить недоумение:

– Это Мари надоумила тебя, будто я что-то разыгрывала?

– Мари-то здесь при чем?

Он надолго замолчал, продолжая прожигать меня взглядом. Будто давал шанс признаться во всем самой. Но я признаваться, разумеется, не собиралась. Тогда он заговорил еще жестче:

– Вчера, когда ты так легко покинула место убийства, я и впрямь готов был допустить, что прошлые события хоть чему-то тебя научили. Что ты поняла, чем чревато лезть в чужие тайны. Что за это можно поплатиться и жизнью!

– Хватит, я тебя не понимаю...

Я теперь уж жалела, что столь опрометчиво осталась с ним наедине, – целовать меня Ильицкий не собирался, а собирался читать нотации, будто я неразумная гимназистка. Я попыталась было прекратить разговор и шагнула на тропинку, чтобы вернуться в дом, но Ильицкий схватил меня за руку выше локтя, снова разворачивая лицом к себе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.